

дамский детектив

Галина
[РОМАНОВА]

МИЛЛИОН
ПРИЧИН УМЕРЕТЬ

Дамский детектив (ЭКСМО)

Галина Романова

Миллион причин умереть

«ЭКСМО»

2002

Романова Г. В.

Миллион причин умереть / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2002 — (Дамский детектив (Эксмо))

ISBN 978-5-699-23440-0

Марьяша увидела Артема на встрече выпускников в школе, но подруга Нинка увела красавца. В тот же вечер Марьяша обнаружила в мужском туалете школы труп. Потом она заметила Артема выходящим из двери соседской квартиры с пистолетом в руке. Соседа, естественно, нашли мертвым. А следователь, подловив ее во время дачи показаний, заставил свидетельствовать против Артема на суде. Тот сказал, что, когда выйдет, найдет ее и задушит. Однако следователь постарался дать ей новые имя и фамилию, прямо как на Западе при защите свидетелей. Марьяша вынуждена была покинуть Москву, маму, друзей и начать новую жизнь в жуткой провинциальной дыре в каком-то заштатном НИИ. Но и тут ей не повезло! Она разоблачила еще одного убийцу, а на горизонте, вернее, в ее квартире возник вдруг Артем Ленский... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-23440-0

© Романова Г. В., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	33
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Галина Романова

Миллион причин умереть

Глава 1

Всю свою жизнь, все свои двадцать девять лет, исключая ползунковое и дошкольное детство, Толик Кулешов мечтал о великой и страстной любви. О той, во имя которой совершаются подвиги, и той, что вдохновляет поэтов и композиторов на создание бессмертных произведений.

Чувство это, по его мнению, должно захватить его полностью, поднять к заоблачным высотам, заставить сердце биться сильнее, а мысли работать четче. Оно должно все перевернуть в его жизни. Все, буквально! Унылому, серому и нищенскому существованию – нет! Да здравствует – ЛЮБОВЬ!!! Да здравствует – СЧАСТЬЕ!!! Да здравствует – ДОСТАТОК!!!

Каким образом материальные блага должны были переплестись с бескорыстным и нежным чувством, он еще не знал. Он просто-напросто пребывал в уверенности, что одного без другого не бывает, и терпеливо ждал.

Но...

Но мечты его все не осуществлялись. То избранница оказывалась слишком приземленной и уничтожала романтический настрой бедного Толика бессовестным желанием пожрать в какой-нибудь общепитовской столовке. То не получалось учащенного сердцебиения при прикосновении милых женских пальчиков, а хотелось-то страсти!.. То очередная пассия на поверку оказывалась бедна, как церковная мышь.

И Толику Кулешову приходилось скороговоркой изъясняться на не совсем понятном им языке об утраченных иллюзиях и отсутствии взаимности. И тихонечко отходить в тень, с тем чтобы потом вновь пуститься в долгий путь на поиски долгожданного счастья.

А годы между тем шли. Все школьные и студенческие друзья давно переженились, а некоторые и по несколько раз. Многие из них заимели детей и вполне стабильное положение в обществе. Толику же, с его непомерным желанием встретить наконец свою одну-единственную и неповторимую, приходилось скрипеть зубами и довольствоваться тем, что преподносила ему несправедливая старуха жизнь...

Имея высшее педагогическое образование, он осел после окончания вуза на одном из предприятий города в должности младшего инженера-маркетолога, да так там и остался. Зарплата, выплачиваемая в рублевом эквиваленте, поначалу приятно радовала. Но с бурным ростом рыночных отношений в стране начала явно проигрывать по отношению к скачущему, как оглашенный, долларовому эквиваленту. Начальство кряхтело, чесало в затылке, но на все немые вопросы о повышении ЗП лишь сокрушенно качало головой. Многие из сотрудников покинули родные пенаты и переметнулись в коммерческие структуры, где было не слишком надежно, но выгодно. Толик же все никак не решался уйти с завода.

Авось государство российское опомнится и обратит свой взор на бедствующую и задыхающуюся отечественную промышленность, и тогда все переменится. И рейтинг трудящихся в ней вырастет неимоверно, и зарплата их соответственно.

Но пока это время еще не наступило, бедному Толику приходилось ежедневно, пять раз в неделю, бежать за переполненным уходящим автобусом. Втискиваться на заднюю площадку с риском для собственных ребер и пуговиц на пиджаке и рубашке. Получать с большими задержками тысячу сто рэ в месяц и мечтать, мечтать...

Взяв на вооружение мудрые слова батюшки Дюма о том, что вся человеческая мудрость заключается в двух словах – надеяться и ждать, он был где-то даже счастлив.

А что, собственно, на судьбу-то роптать? Некоторые вон по помойкам побираются. Угла своего не имеют. На вокзалах и в парках ночуют. Его же родители, купив себе малюсенький домик в пригороде, обосновались там окончательно, оставив единственному чаду большую однокомнатную квартиру в центре города. Для вящей убедительности отец даже настоял на том, чтобы они выписались с этой жилплощади. Вот, мол, сына, – она твоя, на все сто процентов твоя. Живи и властвуй. Мебели осталось тоже предостаточно. Немецкая стенка, купленная в свое время с большими переплатами и по огромному благу. Кухонный гарнитур – зелененький пластик в цветочек, холодильник, телевизор, кресла с диваном, журнальный столик.

И Толик был доволен. Поваживал временами на бывший родительский диванчик неприятельных подружек. Поваживал с ними в забытый всеми кинотеатр, сживал в недорогом кафе-мороженом. И ждал...

Не переставая ждал ее появления. Его воображение по-разному рисовало эту встречу. То они сталкивались на бегу у автобусной остановки. То он нечаянно наступал ей на ногу в очереди в магазине. То выбивал из ее рук поднос с тарелками в заводской столовой...

О том, что дама его мечты скорее всего должна бы разъезжать на собственном автомобиле, отовариваться в супермаркете, где как таковых очередей практически не бывает, и питаться в ресторане, а не в их захудалой столовке, его воображение корректно умалчивало. Ведь если подходить с этой стороны, то у него совсем не оставалось шансов на знакомство.

Нет, они должны с ней столкнуться именно случайно и именно на его территории. А как она там окажется, это уже другой вопрос. Может, к подруге в их заводоуправление заскочит за забытым кошельком или сумочкой. Может, ключи от машины потеряет и ей придется воспользоваться общественным транспортом. А может... будет скрываться от богатого надоедливой любовника, устроившись к ним на предприятие простым клерком...

В общем, существовали сотни вариантов их встречи.

Толик Кулешов еще раз оглядел свое лицо в заляпанном зеркале в прихожей, попутно напоминая себе, что давно пора его, зеркало, а не лицо, почистить, и остался вполне доволен увиденным.

Достаточно высокий, гибкий. Пусть не очень широк в плечах, но пропорционального телосложения. Высокий лоб. Нос с горбинкой. Большие зеленоватые глаза с загнутыми вверх девичьими ресницами. Аккуратный рот и упрямый подбородок с ямочкой. Вьющиеся русые волосы, подстриженные по последней моде с челкой а-ля Есенин. Внешность пусть не особенно яркая, но вполне симпатичная. Женщинам, во всяком случае, он нравился.

Сегодня, например, Танька из производственного отдела просто выпадет в осадок. Толик надел новый джемпер с высоким горлом, выгодно оттеняющий его цвет лица.

Танька запала на него еще с прошлой весны. К тряпкам была равнодушна вообще. А к его новым тряпкам – в частности. Поэтому, в предвкушении фурора, Толик пребывал в весьма радужном настроении.

И его в это утро не испортило ничто. Автобус подкатил к остановке, стоило лишь Толику подойти. Салон был полупустым. Кондукторша заболталась с какой-то теткой, и Кулешов так и прoderжал зажатой в кулаке невостребованную монету.

Охранник на вахте, поприветствовав его, ошарашил сногосшибательной новостью о намечающейся выплате задержанной сверх всяких сроков зарплаты аж за два месяца.

И под занавес, чтобы уж окончательно застолбить сегодняшний день для него как судьбоносный, начальник провозгласил о принятии в их отдел нового сотрудника.

Сердце бедного Толика сделало отчаянный скачок, замерло на пару мгновений и принялось трепыхаться с обреченностью пойманной птицы.

Он так и застыл со шнуром от компьютера в руках, пока Николай Николаевич прохаживался между их столами и гнусаво вещал о соблюдении всех правил и норм приличия при знакомстве.

– А к чему такие церемонии? – не сразу понял Сережа, ведущий инженер отдела сбыта, занимающий два стола у окна. – Что, мы в первый раз новеньких встречаем?

– Нет, конечно, но здесь несколько иная ситуация. – Николай Николаевич смешался. – Я хотя и придерживался в этом плане принципиальных позиций, но здесь просто ничего не мог поделать...

– А если конкретнее? – осторожно ввернул Кулешов, немного справившийся с волнением и включивший-таки компьютер.

– Дело в том, что новый сотрудник не имеет профильного образования, ему будет тяжело. И здесь я особенно на вас, ребята, рассчитываю. В том смысле, чтобы помочь и так далее... Ситуация осложняется еще и тем, что это – женщина...

Все, кто был в комнате, а присутствующие обозначивались числом пять, разом загалдели и заулюлюкали. Толик просто онемел. Нет, он тоже пытался что-то мямлить, чтобы не выделяться из общего числа, но всплеск его души потонул в общем шквале вопросов, обрушенных на Николая Николаевича.

– А сколько ей лет? – сразу оживился Денис, сидевший слева от Кулешова и имеющий репутацию законченного донжуана.

– Она замужем? – походя поинтересовался Саша, занимающий стол справа от Толика и, насколько последнему было известно, неоднократно попадающий в пикантные ситуации с замужними дамами.

– Какое у нее образование? – опомнился тезка Кулешова, заместитель начальника отдела.

И лишь Сергей задал вертящийся у всех на языке вопрос, который более всего волновал и Толика.

– Она красивая? – каким-то воркующим голосом поинтересовался он и хитро подмигнул замершим в ожидании коллегам. – Фигура, бюст, морда лица, пардон, и все такое...

Николай Николаевич, пребывающий в предпенсионном возрасте и за всю свою жизнь не взглянувший ни на одну женщину, кроме своей жены, с крамольными мыслями, смутился. На помощь ему пришла вездесущая Танька. Незаметно просочившись в их комнату, она выслушала интересующую ее часть дебатов и, удовлетворившись тем, что Толик не произнес по данному вопросу ни слова, с довольной улыбкой ответила:

– Серая мышь!

– Как?! – разом возопили мужики, подсказывая на своих местах.

– Так уж прямо и серая? – подал все же голос Кулешов, не желая из-за какой-то Таньки лишаться надежд.

– Серее не бывает! – Танька еще раз довольно хохотнула и, усевшись на свободный стул, закинула ногу на ногу.

– Не верю! – Саша притворно схватился за сердце и кулем осел на свое место. – Первая женщина в отделе за последнее десятилетие – и серая мышь?! Я тебе не верю!

– А я верю. – Денис обреченно вздохнул и принялся елозить «мышью» по коврику. – Общеизвестно: красивая женщина радует мужской глаз, а некрасивая – женский. Судя по Танькиной расплывшейся физиономии, ситуация – дрянь!

– Давайте работать, мальчики, – тихо обронил Николай Николаевич и потрусил за стеклянную перегородку, где располагался его тесноватый кабинет. – Да, чуть не забыл. Сережа, тебе придется ей один столик уступить.

– Как это?! Да вы что, Николай Николаевич?! – мгновенно осатанел Серега. – Где я буду ютиться?! У меня два компьютера, факс, ксерокс! Куда я все это спихну?!

– Ксероксом будет заниматься новый работник. Кстати, ее зовут Яковлева Ольга Владимировна. Один компьютер отдай ей. Пусть ведет текучку: переписку, оформление договоров. Толя, ты уж тут проследи, – обратился он к своему заместителю. – Образование у нее высшее, но не профильное, так что на первых порах вам придется ей немного помочь.

Стеклянная дверь за ним плотно закрылась, и по комнате сразу пронесся гул возмущенных голосов. Все зашелестели бумагами, завопили, роняя ручки и карандаши, кто от отчаяния, кто по неосторожности. Бедной новенькой досталось под завязку. Что, конечно же, не могло не радовать Татьяну. Хозяйским взглядом поглядывая в сторону Кулешова, она самозабвенно впитывала в себя мужицкие причитания, не забывая выставлять напоказ длинные сильные ноги.

Последнее Толика откровенно раздражало. Нет, ну чего выпячиваться?! Только и есть, что ноги! Остальное-то слова доброго не стоит. Морда и шея морщинистые, невзирая на то, что Таньке еще и тридцатника нет. Грудь забыла в лифте, наверное. Задница и та плоская. Доска стиральная, да и только. Нет, конечно же, он не мог отрицать, что ее внимание ему льстило. К тому же папа у нее известный в городе бизнесмен. Дом у них за городом шикарный, двухэтажный, кажется. Но ему-то подавай красавицу! Эх, какие надежды он возлагал на новенькую, и такой облом!..

Хотя... Танька, как все страшненькие, обладала на редкость завистливым и стервозным характером. Может, чего-то и приврала. Да, конечно же, наврала! Глазенки-то бесцветные ишь как бегают. «Серее не бывает!» – Толик едва не сплюнул. На себя-то когда в зеркало последний раз смотрела?! Нет, что-то с этой новенькой определенно не то. Не может судьба так жестоко посмеяться над ним. Показать на мгновение краешек счастливого билетика и, подразнив немного, тут же спрятать его?! Нет, такого не должно случиться! Слишком долго он ждал. Слишком долго...

Но как бы ни тешил себя Толик Кулешов иллюзиями, вошедшая час спустя в их комнату девушка действительно могла иметь только одно определение – серая мышь.

Более точное определение дал ей Денис, стоило той удалиться в отдел кадров:

– Она никакая! Она даже на серую мышь не тянет!

Все поочередно с ним согласились и принялись вполголоса обсуждать ее достоинства, точнее, недостатки, поскольку о достоинствах вопрос даже не стоял.

Рост...

Рост вроде бы нормальный. Не слишком высокая и не карлик. Где-то метр семьдесят, не более. Среднего телосложения. Хотя об этом можно судить весьма и весьма приблизительно, настолько мешковатой была ее одежда.

Юбка-колокол в крупную бежево-коричневую клетку. Вытянутый во всех мыслимых и немыслимых местах бесформенный свитер крупной вязки. Ботинки на рифленой подошве, подходящие скорее для лыжных прогулок, чем для ходьбы по натертому паркету их конторы.

Вот и все. Вот и весь портрет. Хотя нет. Оставалась еще ее безликая физиономия мучнисто-белого цвета, с очками в роговой оправе в пол-лица, крепко сжатыми, лишенными каких-либо признаков помады губами и жутким конским хвостом волос цвета прелых листьев.

– Слушай, – озадаченно почесал затылок Саша. – Я что-то даже и не разглядел: сиськи-то, сиськи-то у нее есть?

– Да разве там, под этим чехлом, разглядишь? – возмущенно фыркнул Денис, настолько привыкший за несколько последних лет к мини, что совсем отвык пускать в ход свое воображение.

– Ладно вам, работать давайте! – прикрикнул на них Сергей, изо всех сил стараясь быть построже, но от коллег не укрылось разочарование, сквозившее в каждом его слове.

Дело в том, что Серега, так же как и Толик Кулешов, озабочен подбором супруги на пока что вакантное место подле себя. Но в отличие от последнего, он уже успел посетить загс дважды. Первый раз – расписываясь с бывшей сокурсницей, второй – разводясь с ней и понося ее – она в долгу не осталась – прямо в присутствии ошеломленного регистратора актов гражданского состояния. Возраст Сереги приближался к сороковнику. Подружек приличных не нахо-

дилось, а молоденькие свистушки не очень-то клевали на его аховую зарплату. Вот и приходилось ему маяться от невостребованности в сугубо мужском коллективе.

– В конце концов, не в сиськах дело, – пробурчал он после минутного затишья. – У моей бывшей бюст был почти пятого размера! И что толку? Как рот откроет, так впору вешаться. Поживем – увидим, чего эта Оленька стоит.

Сергею, наверное, хотелось вложить в ее имя как можно больше сарказма, но отчего-то это ему не удалось. То ли имя ее заключало в себе слишком много мягких согласных, то ли была еще какая причина, но с уст Сергея оно слетело так певуче, что Толик неожиданно для самого себя почувствовал легкий укол ревности.

В конце концов, это он заказывал небесам подобный фатальный расклад, и Серега пусть не суется. Если уж при более тщательном рассмотрении она действительно окажется никуда не годным синим чулком, то тогда – пожалуйста. А пока – фигушки! Пока он, а не кто-нибудь начнет охмурять новенькую. Глядишь, от мужского внимания и гадкий утенок превратится в лебедь белую. Если, конечно, такое вообще возможно в ее возрасте. А последний, судя по слухам, перевалил за четвертак...

Дверь приоткрылась, и Ольга Яковлева проскользнула в комнату незримой тенью. Стол, что отвалил ей с барского плеча Серега, доброго слова не стоил. Ящики то и дело выскакивали из пазов, дверцы не было. А поверхность когда-то, очевидно, служила кому-то подставкой под горячее.

Ольга присела на краешек стула и беспомощно огляделась. Пять пар глаз мгновенно опустились, и руки зашуршали бумагами. Тишина, доселе редко посещающая их отдел, опустилась тягостным гнетом. Каждый рьяно принялся за исполнение своих должностных обязанностей, не забывая украдкой бросать вороватые взгляды в сторону новенькой.

Та спешить не собиралась. Оперев локти об изгаженную столешницу, она тяжело вздохнула и уставилась в окно, куда и просмотрела оставшиеся до обеденного перерыва два часа. Бедный заместитель начальника! Бедный Толик Звягинцев! Он и кашлял многозначительно. Он и стулом громыхал, и принимался озабоченно говорить с кем-то по телефону о сильной загруженности отдела. Ей все было нипочем. Она упрямо буравила близорукими глазами засиженный мухами оконный переплет и не произносила ни слова.

Изъездив глазами ее маленькое розовенькое ушко (это первое, что он записал ей в актив), Кулешов изо всех сил пытался привлечь ее внимание, по примеру своего тезки производя как можно больше неосторожных телодвижений. Но ни на его якобы нечаянные касания локтем, ни на сваленные с ее стола бумаги она не обращала ровным счетом никакого внимания.

Она была погружена в свои мысли, глубина которых ясно проступила в продольных морщинках на ее доселе гладком высоком челе. И знать которые Толику хотелось до зубовного скрежета...

Глава 2

Вот и все...

Новая чистая страница. Гладкая и до отвращения белая. Будто девственная снежная новь, по которой еще не ступала нога человека. Здесь тоже еще никто не был. Вернее, она пока никого сюда не допускала. И ее теперешняя жизнь – это своего рода та же заснеженная нетронутая долина. Такая же пустая, холодная и никому не нужная. Хотя с последним трудно согласиться. Есть кое-кто, кому бы до боли в печенке хотелось с ней повидаться. Но поскольку желание это является односторонним, ей голову ломать над этим нет необходимости.

Итак, теперь она – Ольга Владимировна Яковлева. Чудно! Прожить всю свою жизнь с именем Марьяша и вдруг – Ольга. Здешнему начальнику отдела кадров трижды пришлось к ней обратиться по имени, прежде чем она отреагировала. Все никак не привыкнет. Хотя к этому трудно привыкнуть, невзирая на горы исписанных листов с новым именем...

Парень за соседним столом уже порядком ее достал. Трижды толкнул ее локтем, проходя мимо. Дважды смахнул бумаги со стола. Кажется, его зовут Толик, и, похоже, ее появление не оставило его равнодушным. Как, впрочем, и всех остальных. Усиленно делают вид, что трудятся. А этот с рыбьими глазами, что вроде бы является замом, аж вспотел от натуги. Загруженность у них великая! Умора просто! Пятеро здоровенных мужиков сидят, перебирают бумажки. Им бы бревна ворочать да на углеподаче потрудиться, хотела бы она тогда посмотреть на их загруженность.

Как же называется этот миленький отдельчик лентяйчиков, дал бы бог памяти? Кажется, коммерческий отдел по продажам и анализу рынка. Оборжаться можно! Чего анализировать-то, если продукция этого забытого богом предприятия нужна разве что умалишенному. Она потому и пришла сюда, что вакансий здесь до черта.

Вот интересно все же – что здесь делают все эти мужики? Неужели нигде в городе для них работы больше не нашлось? Или все в таком же, как и она, бедственном положении? Так этого просто-напросто не может быть. Потому как такого ни с кем, кроме нее, случиться не могло. Таких идиотов на планете-то по пальцам можно пересчитать, не то что в этом захудалом городишке.

Периферия...

Ольга, теперь уже ни к чему было сопротивляться новому имени, ненавидела маленькие города. Она никогда бы и помыслить не могла, что ей придется жить в таком месте. Где все и все друг про друга знают. Где неприлично быть удачливым. Некрасиво быть красивым или, упаси бог, умным. Где все должны быть одинаковыми и не выпячиваться. Даже богатеньким буратинкам здесь невесело.

Та девушка с постным невзрачным личиком, что сопровождала ее повсюду, наверняка ведь богата. И тряпки эксклюзивные, и брюликов до черта – и в ушах, и на пальцах, и на шее, обувь на статных ногах ручной работы из высококачественной кожи. А поди же ты, и она здесь. То ли папенька дочку выучивает, чтобы знала, как копейка каждая достается. То ли неприлично на общем сером фоне трудовых будней этого городка сидеть сиднем дома. То ли в поисках женишка сюда таскается изо дня в день. Ведь за то время, что Ольга просидела за этим убогим столом, она четырежды заглянула к ним в кабинет. Кажется, ее зовут Татьяна, и глаза ее неотступно следят за этим высоким парнем, что усиленно привлекает к себе ее – Ольгино – внимание. А ей все это, между прочим, до фонаря. Все, чего ей нужно добиться, так это постараться слиться с тусклым фоном местного ландшафта и забыть о самой себе как об индивидууме. Первые шаги в этом направлении она уже сделала, кардинально изменив свой облик.

Очки в безобразной оправе. Таких даже у ее бабули не было. Полное отсутствие макияжа. Прическа, что уродовала ее неимоверно. И самое главное – одежда. Такого убожества она не носила отродясь. Коротюсенькие юбочки, благо ноги позволяли, декольтированные кофточки в обтяжку, выгодно подчеркивающие и грудь великолепной формы, и такую талию, что молоденькая Гурченко позавидовала бы. А сейчас...

А сейчас на ней мешок от талии до щиколоток и мешок от шеи до бедер. Никаких украшений. Никаких запахов. Ни-че-го, что могло бы намекнуть, что она еще женщина. Она есть бесполой тварь, вынужденная влачить жалкое существование все оставшиеся годы.

Дверь гулко хлопнула, выводя Ольгу из ступора. Парни гурьбой вернулись из курилки. Весьма колоритный сброд. Трое, правда, заслуживали внимания. Тот, что столик ей выделил – жгучий брюнет с пронзительным взглядом, звался Сергеем.

Затем Денис с мерцающими блядскими глазами. Ольга за версту учуяла – потаскун каких свет не видывал.

Толик, тот, что издавал приятный запах хорошего парфюма и пихал ее локтем все это время, тоже был приятным парнем. Не броским, но достаточно симпатичным. С внешностью надежного партнера и хорошего семьянина. Недаром Татьяна ужом крутится вокруг него.

Оставшиеся двое – безликий балласт. Заместитель с глазами мороженого окуня и мокрыми кругами под мышками. И Саша, утешитель бедных вдовушек, с физиономией проповедника...

В былое-то время она бы притащила торт с шампанским. Устроила бы маленький сабантуйчик по поводу знакомства и вливания в коллектив, но та коммуникабельная авантюристка Марьяша умерла, явив миру постную, как говьяжья обглоданная кость, Ольгу Владимировну. Никаких тебе кудряшек и высоко взбитых локонов. Никакого легкомыслия. Все! Конiec всему! Хорошо хоть то, что теперешний имидж не исключает возможность курения, а то бы совсем труба была.

Ольга тяжело вздохнула и бросила взгляд на часы. До конца рабочего дня осталось ровно полтора часа. Убить это время будет несложно. Парни потихонечку понасовали ей работенки со всех сторон, изрядно заполнив обшарпанную поверхность стола. Две сигареты: одна без пятнадцати четыре, вторая – через час. И все. Можно будет считать, что первый рабочий день прожит.

Она достала пачку сигарет и зажигалку и быстрым шагом покинула комнату.

И почти тут же в дверях возникла Татьяна.

– Ну как вам новенькая?

Вопрос адресовался, конечно же, только Анатолию, и все это понимали, но поскольку тот отвечать не собирался, эту миссию возложил на себя Денис.

– Что можно сказать по данному вопросу, дорогая? – Он с хрустом потянулся, обозначив под тонкой водолазкой прекрасно развитую мускулатуру. – Девка – дрянь!

– Уж прямо так! – довольно фыркнула Танька, нависнув над Анатолием и помогая ему двигать «мышью».

– Дрянь, дрянь! Поверь мне! – вполне убежденно затараторил юбочник Денис. – Я таких за версту обегая. Этакая безликая непонятность. У такой никогда не знаешь, что под юбкой и что на душе.

– А что там может быть? – Кулешов не без раздражения стряхнул со своей кисти прилипчивые пальцы Татьяны и с интересом уставился на коллегу: – По-моему, то же, что и у всех...

– Не скажи, брат, не скажи. – Денис, довольный тем, что ему позволили оседлать любимого конька под названием «послушайте, что я знаю о бабах», стал разглагольствовать: – Помнишь песню древнюю, как дерьмо мамонта: «А подойди-ка с ласкою, да загляни-ка в глазки к ней, откроешь клад, какого не видал...»?

– Помню, и что?

– Так вот, к таким сучкам, как наша Оленька, – он нарочно сделал акцент на ее имени, ехидно покосившись на мгновенно насупившегося Сергея, – в глазки не заглянешь. Это омут. Видали, очки какие? Где раздобыла, спрашивается? Сейчас таких даже на барахолке не найдешь! Небось с третьего класса остались. Отсюда вопрос: зачем напялила?

– Зачем? – выскочило одновременно из четырех уст.

– Думается мне, чтобы лучше видеть нас, мои деточки! – Денис довольно заржал, приводя в негодование заинтригованных коллег, затем продолжил: – Шутка! Думаю, девочка усиленно пытается выглядеть гадким утенком. Да, да, не ухмыляйтесь! Кожа лица – безупречная. Ручки – как у феи. А остальное...

– А остальное?! – От волнения Толик почти дал петуха, что не укрылось от бдительного ока воздыхательницы.

– Думаю, там сюрпризов не меньше.

– Так это же хорошо, – не выдержал наконец Сергей. Видно было, что и его заинтересовал монолог заводского донжуана.

– Вот это-то и настораживает! – Денис поднял указательный палец кверху. – Зачем молодой и предположительно интересной женщине превращать себя в поганку?!

– В кого?

– Ну, так я называю дурнушек, – Денис помахал небрежно кистями рук и продолжил: – Зачем, я вас спрашиваю? А затем, чтобы от нее все отстали!

Татьяна наконец не выдержала и завопила:

– Хватит умничать, Казанова! Никто никого и ни в кого не превращал! Она такая, какая есть. Тряпками мослы прикрывает! Очками – глазки свои невыразительные! Уж я-то в женщинах лучше разбираюсь!

– Да ну?! – Денис насмешливо скользнул по ней уничижительным взглядом и вдруг ошарашил всех заявлением: – А давайте пари!..

– Делайте ставки, господа!!! – Саша заметно оживился и полез за кошельком. – Стартовая цена – червонец. Кулешов, ты за что?

– Чего ты к нему пристал? – взъерилась Танька. – Не нужен ему этот дурацкий спор!

– От коллектива, Танек, отрываться не следует. – Толик вытащил помятую десятку и швырнул Сашке на стол. – Я за то, что Денис вытащит пустышку. Эта Ольга – из серии его поганок...

Как же он лукавил, боже правый!!! Знал бы кто, как пела его душа, вслушиваясь в разглагольствования Дениса. Он готов был расцеловать его в обе щеки за то, что каждое его слово звучит в унисон с его собственными чаяниями. Денис буквально считывал информацию с его мозговой корочки! Но, вопреки всему, он поставил на то, что Ольга – поганка...

– Я за то, что она красавица, – Серега присовокупил свой червонец.

– Я – пас. – Заместитель начальника поднял кверху обе руки. – Вы ребята холостые, а моя Нинка меня живьем сожрет, если узнает. А она в соседней комнате властвует...

– Но нам нужен еще один человек! – возмутился Сашка. – Ты чего, Толян?! Предаешь коллектив?! Нас двое на двое. Я с Кулешом, Дэн с Серегой. Еще одного – для голосования...

– Давайте я буду. – Татьяна порылась в кармашке кожаной юбчонки, более напоминающей широкий пояс, и вытащила две пятирублевые монеты. – Я за то... что она...

Все замерли буквально с открытыми ртами.

– Что она... – продолжала Танька выдерживать трагическую паузу, – ...скрывающаяся от правосудия преступница!

– Нет, ну ты, блин!!! – понеслось в нее возмущенное со всех сторон. Даже Анатолий, не участвующий в пари, и тот покрутил ей пальчиком у виска. – Мы же не об этом вообще!!!

Но Танька прочно стояла на своем:

– Каждый сделал ставку на что-то. Теперь будем добывать сведения, подтверждающие наши догадки. Каждая вытянутая пустышка – дополнительный червонец в общую кассу. Допустим, вместо ожидаемой талии – у нее толстый живот. Соответственно – чирик на кон.

– А если у нее чистейшая из чистых биография, то с тебя – сотня! – Серега как-то уж слишком болезненно отреагировал на Танькину бредовую идею. – Надо же до такого додуматься!..

– Мое дело! – огрызнулась та. – Согласна даже на две сотни, но что-то с ней не чисто! В трудовой ни единой записи, кроме окончания учебного заведения. Паспорт чистый во всех отношениях... Даже прописки никакой. Появилась сразу на улице Октябрьской неделю назад, и все... Вроде и не жила нигде. Короче, принимаете меня или нет?

Таньку решили оставить. Хотя и странноватыми были условия их затеи, но от бытовой скуки можно и не на такое пуститься. А тут хоть какое-то, да развлечение. Сразу, не сходя с места, распределили обязанности. Таньке была отведена важная задача – сбор информации о возможных знакомствах, связях – порочащих и не очень и имеющихся в наличии родственниках. Мужикам отводилось тоже ответственное поручение – прошупать девушку со всех сторон. Причем не в переносном, а в прямом смысле. Объем груди, талии, бедер. Цвету глаз отводилось едва ли не самое последнее место.

– А кто будет победителем? – Зам все-таки заинтересовался их маразматичным пари и заерзал на месте. – Я что-то не совсем понимаю ваши условия. Кому достанется куш?

– Да какая разница! – беспечно махнул рукой Денис. – Пропьем его все вместе. Скоро Новый год, бабки будут как раз кстати...

Глава 3

До Нового года оставался месяц, когда их маленький городок потрясло страшное сообщение.

Минувшей ночью в районе парка Строителей был найден труп молоденькой девушки, студентки третьего курса медицинского училища. Тело девушки было наполовину зарыто в снег. Нашедшую труп молодую мамашу с ребенком еле-еле откачали в пункте «Скорой помощи». Подоспевшие следователи пару часов не могли взять у нее свидетельские показания, настолько велико было ее потрясение.

Районные газетенки захлебывались вожаделенной сенсационной слюной, на все голоса причитая об убийстве. Каждый писака пытался перещеголять другого в мастерстве полоскания окровавленного белья убиенной. Какие только подробности не выползли на свет в связи с этим вопиющим фактом! Покойной девушке не давали спокойно лежать в гробу битых две недели. Один из бумагомарателей зашел настолько далеко, что посмел обвинить погибшую в суициде. Она, дескать, сама себе живот и горло вспорола. Только вот сей пачкун забыл указать последовательность данной экзекуции...

Следом за бульварной прессой откликнулось местное телевидение, показывая под разными углами и в разное время суток место происшествия. Телевизионщиками также муссировалось одновременно несколько версий. Одна из которых не исключала возможности появления в их городе маньяка.

Город залихорадило.

Мамаши перестали отпускать девочек на дискотеки. После школы многих встречали бабушки, отцы и старшие братья. Каждого подозрительного непременно доставляли в органы правопорядка и задерживали там до полного выяснения личности.

Тут-то Танька и оседлала своего конька, потрясая перед растерянными коллегами вырезками из газет.

– Вы просто не понимаете, – шептала она с надломом в голосе, – насколько все это серьезно! Кидайте в кассу по червонцу немедленно, потому что я на верном пути.

Мужчины, кряхтя, полезли за бумажниками. Лишь заместитель начальника Толик не переставая покручивал пальцем у виска.

– Бездельники, – тяжело вздыхал он время от времени. – Нашли себе занятие! Не дай бог, Ольга узнает...

– И что будет?! – вскидывалась мгновенно Татьяна.

– Ну... не знаю... Я бы на ее месте вас по судам затаскал.

– Это какую же статью ты бы нам инкриминировал?! – По части знания уголовного права Танька могла заткнуть за пояс любого выпускника юридического факультета.

– Ну, например, за клевету, – обрадованно изрек Толик, вспомнив нужную статью в кодексе.

– А кто на нее клеветает?! – разом обрушился на него шквал возмущенных голосов. – Кто и где об этом слышал?! То, что мы здесь говорим, не должно выходить за эти стены...

И так далее и тому подобное. День ото дня разговоры становились все круче, страсти все накаленные и интерес все более нарастающим.

Яковлева Ольга Владимировна стала притчей во языцех. Тема каждой безобидно начатой беседы непременно сползала на нее. Касалось ли то продуктов питания, погоды или политической обстановки в стране.

– Просидеть весь день сиднем на одном месте и не выпить ни чашки чая или кофе!!! – округляла возмущенно глаза Татьяна, когда присутствующие начинали вполне безобидный

разговор о новом скачке цен. – Всего лишь четыре сигареты за день!!! Это не экономия, и это не скопидомство, это – нечто большее!!!

– И что же это? – Обычно в этом месте зам выступал в роли независимого арбитра.

– Это – патология...

Или начинали сетовать по поводу растаявшего в канун Нового года снега, кляня на чем свет стоит парниковый эффект и тьму-тьмушую спутников-шпионов, влияющих на климатические и погодные условия, а заканчивали обычным:

– Ну как так можно?! Ходить в одном и том же изо дня в день!!! Это же неприлично, в конце концов...

Мужчинам возразить было нечего. Все их попытки составить приблизительный разброс параметров данной особы не увенчались успехом. Единственное, что удалось рассмотреть Толику Кулешову, так это цвет ее глаз.

Тот день ознаменовал себя тем, что он поднялся с постели в преотвратительнейшем расположении духа. Сновидения, посетившие его, были тревожными, обрывочными, не сулящими ничего доброго. Кофе убежал на плиту, лишив его завтрака. Бреясь, Толик порезал подбородок. В довершение всего, опоздав на автобус нужного маршрута, пошлепал по зимним лужам пешком на работу. И тут еще под занавес Танька нарисовалась с самого начала рабочего дня с сенсационным заявлением о том, что новенькая живет в квартире, принадлежащей ранее преступным элементам.

– Откуда ты все это выкапываешь?! – взбеленился ни с того ни с сего Сергей, в сердцах отшвырнув от себя «Мегаполис».

– Из достоверных источников, – скромно потупилась Танька, не забыв выставить на вид ноги в новых сапогах.

– Выдумываешь ты все! – поддержал вдруг неожиданно для самого себя коллегу Кулешов.

– Точно, выдумывает! – Денис скабрёзно заухмылялся. – Сенсаций тебе подавай, да, Танек?..

– Придурки. – Танька, удивив всех, неожиданно не обиделась. – Вы просто злитесь, что ни с места не сдвинулись в своем желании залезть ей под юбку и за вырез ее растянутого затрапезного свитерка. Нужно уметь проигрывать, господа! Вы просто не на то поставили. Эх, кобелиное ваше семя...

Мужчины пристыженно замолчали. В чем-то она действительно была права. Но только не в том, что они проиграли. О чем Денис и не преминул заметить.

– У нас еще есть время, милая леди. Ты иди своим путем, а мы – своим. Но тем не менее не могу не отметить твоей предвзятости. Обвинить Ольгу можно в чем угодно, но только не в преднамеренном убийстве...

Но Танька продолжала упорствовать, твердолобо твердя о том, что биография сей темной лошадки заслуживает более тщательного и пристального внимания, нежели ее дамские прелести. Кой ею брались под сомнение и, как считало большинство мужиков, небезосновательно.

Большинство, но только не Кулешов. Он совершенно не собирался расставаться с собственной мечтой о счастье. А в том, что Ольга и есть его счастье и его судьба, он почти не сомневался. Все бредовые идеи Татьяны он отвергал напрочь, хотя вслух этого не высказывал, и в унисон со всеми недоуменно качал головой и создавал общий гул возмущенного сопения тем или иным фактам. Поэтому последнее Танькино заявление о квартире, якобы принадлежащей ранее преступным элементам, он воспринял как личное оскорбление.

Мысли тяжело заворочались в голове, разбудив дремавшее донныне чувство неприязненного раздражения по отношению к Татьяне. Что, собственно, она о себе возомнила?!

Он вот возьмет и сам займется этим дурацким квартирным вопросом. Благо давняя подруга матери все еще работает в паспортном столе и вряд ли ответит отказом на его запрос.

Только сделать это нужно тихо. Так, чтобы никто и не догадался, что он пошел по стезе, проторенной Танькой с ее пристрастностью...

– Кстати, а где Ольга? – неожиданно всполошился заместитель, посмотрев на часы. – Начало девятого, а ее все нет.

– Новую жертву подыскивает, – не совсем удачно пошутила Танька.

Она не успела захлопнуть рот, как дверь бесшумно отворилась и Ольга Владимировна тенью скользнула на свое место.

– Вы опоздали! – Сергей сурово посмотрел прямо в огромные стекла ее безобразных очков.

– Обстоятельства, – коротко произнесла она и склонилась над бумагами.

Боже мой, что за голос!!! Шелест тростника и шепот жаркой южной ночи... Нет, скорее плач иволги и стон откатывающейся волны... Толик едва не лишился разума, пытаясь для себя определить, с чем еще сравним этот глуховатый с хрипотцой голос. Первое слово за все то время, что она пребывала в этой комнате. Первое, ничего не значащее, но произведшее эффект разорвавшейся бомбы.

Вон даже Денис, известный ловелас их уездного городишки, и тот судорожно дернул кадыком в ответ на ее «обстоятельства». Наверняка стервец переложил этот буквенный набор на что-нибудь возбуждающе-порнографическое.

Сергея побледнел и даже не пытается скрыть потрясения. Скомканный «Мегаполис» тому подтверждение.

Заместитель покраснел до самых бровей и даже не удосужился, стервец, уточнить эти самые «обстоятельства». А казалось бы, так просто спросить о них. Вернее, выспросить все подробности, детали. Лишь бы подольше слышать это ее певуче-хрипловатое меццо-сопрано, вдоволь насладиться загадочностью этого голоса...

Но заместитель подвел их. Пролетев что-то о сверхсрочности надуманного задания, он выпорхнул из комнаты подобно подстреленному воробью. Взвалившему было на себя его полномочия Денису Ольга не пожелала ответить, и оставшееся до обеденного перерыва время коллектив просидел в полнейшем молчании.

В курилку поползли, стоило большой стрелке часов коснуться девятки. Ольга осталась в кабинете в одиночестве. И вот тут-то Толик решился на поступок.

Быстренько ткнув ополовиненную сигаретку в банку из-под «Нескафе», служившую всему этажу пепельницей, он почти бегом ворвался в комнату отдыха и, пролетев на свое место, «неосторожно» задел локтем за оправу ее очков.

Не свалиться с ее носа от такого удара они смогли бы, только если бы были прибиты гвоздиками. Ольга ахнула. Бросила на него какой-то затравленный взгляд и через мгновение водрузила убожество в роговой оправе на место.

– Прости, – только и смог выдавить из себя Кулешов, буквально растекаясь по своему стулу. – Я не хотел.

Да черта с два он не хотел! Он это сделал умышленно! И они оба это прекрасно понимали. Об этом сказал его виновато-умоляющий тон. И это подтвердили ее глаза.

Были они непроницаемо-черного цвета. Самый обычный разрез. Без восточной утонченности и без рязанской округлости. В меру длинные ресницы. Брови, правда, немного густоваты. Но это скорее из-за нежелания их хозяйки придавать им иную форму.

Все показалось бы Толику самым заурядным, если бы не этот воровато-испуганный взгляд. Было в нем столько незащищенности, столько уязвимости, что он готов был на коленях просить ее взять его на роль охранника. Если бы отвергнутые им девушки смогли в этот момент присутствовать при этой сцене, то негодованию их не было бы предела. Им не прощались куда меньшие грехи. А здесь...

Толик и сам не переставал изумляться: откуда в нем вдруг взялось столько чувственного самоотречения. И не то чтобы он готов был подписаться под признанием в любви к этой невзрачной девушке, нет. Это было нечто другое. Какое-то нежно вибрирующее в области сердца трепетное ощущение возникло при взгляде на нее. Оно, это чувство, обволакивало его, словно туман, обещало исполнить все мечты, которые так давно пестовались в его сознании.

Ольга вдруг резко крутнулась на стуле и, развернувшись к нему вполоборота, спросила:

– За что вы меня все так ненавидите?

– Мы?! – Толик принялся судорожно хватать бланки отчетности, валяющиеся в беспорядке на его столе. – Тебе показалось, клянусь!!! Как раз напротив...

– Что напротив? – продолжила она вопрос, нисколько не умаляя металла в голосе. – Что вам всем от меня нужно?! Чтобы я была такой же лживой и лицемерной, как та гладильная доска, что трется об тебя с утра до ночи? Или чтобы я науськивала вас друг на друга? Стучала начальству о том, как вы целыми днями разгадываете кроссворды?

– Нет, поверь!!!

Кулешов не знал, куда деваться от неловкости. Они-то, идиоты, вообразили себе, будто она ничего не замечает, а на деле все выглядит совсем иначе. Вон и Танькина прилипучесть не ускользнула от ее глаз, хотя она ни разу и взгляда в их сторону не бросила. Неужели это так очевидно?.. Надо было изначально в корне придушить все Танькины ухаживания. Не нужно было оставлять ей никаких надежд, не нужно.

Ольга между тем, устав сверлить его тяжелым взглядом, отчеканила:

– Оставьте меня в покое. Мне ничего от вас не нужно, как и вам от меня. Во всяком случае, я так думаю...

Что еще она о них думала, осталось для него тайной за семью печатями. Коллеги, шумно беседуя, вернулись из курилки, прервав неловкий разговор Анатолия с Ольгой.

Но от Таньки – вездесущей мымры разве что скроешь? Интересно, когда она вообще работает, если с восьми утра до конца рабочего дня постоянно тусуется в их отделе. Вот и сейчас, оседлав свободный стул, принялась сверлить подозрительным взглядом Анатолия. Долго делать вид, что ничего не замечает, он не мог. Поэтому, сделав ей знак следовать за ним, вышел в коридор.

– Ну чего тебе? – с трудом подавляя желание наорать на нее, спросил Толик. – Что ты все время крутишься возле меня?

– А-а-а, понятно! – белая лицом, протянула Татьяна и оперлась о стену коридора. – Наш милый Толенька запал на эту инфузорию! Что такое есть в ней, чего нет во мне, ответь?

Ох как чесался у него язык сказать ей правду, ох как чесался! Отметелить ее парой ласковых слов о недостойном порядочной девушки поведении. Довести до ее убогого сознания, что излишняя приставучесть и навязчивость еще никому не помогали в любовных делах, а как раз наоборот. Но, возвращенный в лучших традициях тургеневских романов, Кулешов, скрипя зубами, смолчал.

Единственное, на что он решился, так это промямлить невнятное:

– При чем тут все это, Тань?! Перестань, пожалуйста... Это никакого отношения...

– Я на тебя полгода убила! – зазвенел слезой ее голос.

Можно подумать, ее об этом кто-то просил!!! Или из огромнейшего числа претендентов на ее изнеженную руку и насквозь фальшивое сердце она выбрала его, и он теперь должен этим гордиться?! Да она почти каждого мужика примеряла на себя в роли супруга...

– В общем, слушай меня внимательно! – Танька промокнула платочком выступившие на наштукатуренных ресницах слезы и с чувством выдавала: – Мне плевать, Кулешов, что ты там себе напридумывал. Не нужно делать такие круглые глаза! Я тебя насквозь вижу! Ты только подумал, а я уже знаю, что ты скажешь. И не ухмыляйся, не нужно! Думаешь, что я совсем дура и не понимаю, почему ты до сих пор не женат?

– И почему же? – Нет, она все же смогла его заинтересовать. Толик, внутренне напрягшись, оперся кистью о стену прямо над ее головой и принялся пощелкивать суставами.

– Да потому, что все ждешь свою единственную и неповторимую! И чтобы она была умненькой, красивенькой и обязательно богатенькой! На тебе это огромными буквами написано через всю твою самовлюбленную физиономию. Если Сереге до фонаря вся эта хренотень, то это на нем и написано. Если Денис потаскун, то и это белыми нитками шито. А вот ты – это совсем другое.

– И что же я?

– Из таких, как ты, получаются великолепнейшие мужья, если это с ними вообще случается, я имею в виду брак. Поэтому-то я в тебя и вцепилась, дурачок. Только поэтому! Мне нужен хороший муж. Не просто муж, а хо-ро-ший!

Так вот прямо и произнесла по слогам, вытягивая каждую гласную из своего перепелиного горлышка. Разя его наповал и своим откровением, и злостью, с какой все это было произнесено. Если раньше Танька дальше флирта не заходила, то сейчас она одержимо подводила его к совершеннейше несурзной идее.

– Я не хочу на тебе жениться! – Он не смог устоять перед желанием поставить ее на место. – И я никогда не давал тебе повода думать, что ты мне нравишься!

– А мне плевать! – нагло разулыбалась она. – Ты все равно будешь моим мужем! Моим или ничьим! В противном случае...

– В противном случае? – насмешливо перебил он ее, все еще пытаясь сопротивляться.

– Тобой займутся парни моего папочки. Они умеют убеждать, поверь мне...

Нет, это был даже не удар под дых. Это было нечто покруче. Это были кандалы, мгновенно сковавшие его по рукам и ногам. Клетка, в которую его посадили, оградив ото всех, крушение всех надежд, померкнувший мир, залившийся чернотой, где не было места Оленьке...

Он впервые назвал ее так про себя. И, назвав, понял, что не сможет просто так расстаться со своими мечтами о ней.

Как не мог послать куда подальше Татьяну, в напряженной позе застывшую сейчас у стены. Не то чтобы Кулешов был трусом, нет. Он просто был неконфликтным человеком. К тому же, как знать: где он выиграет, а где проиграет. В ситуации с Ольгой все расплывчато, все зыбко, кроме ее испуганного взгляда и сексуального голоса.

А в случае с Татьяной... Н-да... Здесь все просто и понятно: стабильность, достаток, уважение. Попробуй ответить ей «нет», жизни лишат его не задумываясь. Уложат в холодильник в местном трупохранилище, а потом зареют. Лучше, конечно же, синица в руках, чем утка под кроватью.

Следы борьбы так контрастно отразились на лице бедного Толика, что Татьяна устыдилась. Спрятав лицо в ладонях, она отчаянно замотала головой и простонала:

– Прости меня, прости! Я люблю тебя, Толенька! Сильно люблю! И буду бороться за тебя до самого конца.

– Руками молодчиков твоего папаши?! – сразу оскорбленно вздыбился он, почуяв, что Татьяна дала слабинку. – Как тебе не стыдно!!!

– Мне очень стыдно, очень! – Она уже плакала, не обращая внимания, что на них с любопытством поглядывают проходящие мимо сослуживцы. – Но я не могу ничего с собой поделать, понимаешь?! Я засыпаю и просыпаюсь с твоим именем!!! Я некрасива, я знаю... Но я смогу это компенсировать. Я очень богата, очень!!!

– Что же тогда ты делаешь здесь, богачка?! – фыркнул он, все еще не желая прощать ей свое унижение.

– А тебе непонятно?! Все из-за тебя!

В этот момент дверь кабинета открылась, и Ольга медленно прошествовала мимо них в курилку, на ходу растирая сигаретку в длинных тонких пальцах. От Татьяны не укрылось,

каким вожаемым взглядом проводил неуклюжую фигуру ее избранник, и она взревновала с прежней силой.

– Послушай, Кулешов!!! – Она схватила его за лацканы пиджака и слегка тряхнула. – Я согласна!

– На что? – не понял Толик.

– Я согласна заключить с тобой договор, – быстро заговорила она.

– Не слишком ли много договоренностей, заключенных тобой за последнее время? – не удержавшись, съязвил он.

Но Татьяна, пропустив его колкость мимо ушей, выдала:

– Мы вместе с тобой роем носом землю в поисках информации об этой... Если ничего не найдем, то черт с тобой, я отступаюсь. А если все мои подозрения окажутся верными, то ты – мой!!!

– Как патетично. – Кулешов на мгновение задумался и потом с тяжелейшим вздохом проямлил: – Ладно. Если Ольга чиста, как младенец, то ты оставляешь меня в покое. А если нет, то...

– То ты женишься на мне! – Танька застолбила за собой право решать его судьбу. – Больше я терпеть не буду! И так на большие уступки иду...

Да уж! Хотелось бы верить! Наверняка по четыре козырных туза приберегла в каждом рукаве и не одну дюжину кроликов в шляпе. Чем-чем, а уступками Танька не славилась...

Но, как каждый из мужчин, Толик Кулешов был падок на лесть. А разве не лестно, что едва ли не самая обеспеченная девушка их городка положила глаз на совсем обычного малоперспективного парня! И, поломавшись для порядка, насупленно хмуря брови и настырно ковыряя носком ботинка надорванный линолеум на полу, Толик, вроде как нехотя, согласился.

– Ладно... – молвил он скрепя сердце. – Будь по-твоему. Только... Как же твой папочка? Даст ли он тебе согласие?

– Мой папочка, дорогой, – засияла лицом Татьяна, по-хозяйски подхватывая его под руку, – уже наверняка целое досье на тебя собрал и даже знает размер твоих носков, трусов и ботинок. А сейчас давай подумаем, с чего мы начнем...

Начать было решено с паспортного стола, куда Толик стремился попасть еще до рьяного вмешательства Татьяны.

Глава 4

Вера Ивановна, давняя приятельница его матери, сидела лицом к входящим за высокой дощатой перегородкой, напоминающей барьер для скаковых лошадей, и тихонечко потягивала чай, заваренный мятой.

– Толенька, – мило улыбнулась она входящим. – Какими судьбами? Что-нибудь с мамой?

– Нет, нет, все в порядке, – поспешил он ее успокоить. – Мы по делу к вам, Вера Ивановна.

– Так у нас сегодня выходной, – она еще шире улыбнулась и, заметив их огорчение, замала пухленькими ручками. – Да ладно вам беспокоиться. Это для чужих выходной. А уж вы-то...

Внимательным взглядом оценив норковый полушубочек Татьяны, дорогие сапожки и пару колечек с бриллиантами, Вера Ивановна удовлетворенно крикнула и, встав с места, открыла дверь в свой кабинетик.

– Идете ко мне, а то здесь не дадут нам поговорить. То одно им нужно, то другое.

Под «ними» она подразумевала милицию, чьи представители сновали к ней то и дело, заведомо зная, что ни одна горсправка не выдаст таких сведений о жителях города, как Вера Ивановна.

Но в данном конкретном случае она лишь беспомощно развела руками.

– Ничем не могу помочь, ребята. Абсолютно ничем. То есть почти ничем...

Она оставила их в тесном кабинетике, размерами своими напоминающем встроенный стенной шкаф, и вскоре вернулась с картонной папочкой с содержимым всего в три тонюсеньких листочка.

– Так. – Вера Ивановна разложила на коленях листок убытия и копии документов на квартиру. – Яковлева Ольга Владимировна, 1975 года рождения. Проживала в Москве на Сиреневом бульваре. Паспорт старого образца был утерян, посему приехала сюда с новым и без отметок о выписке. Мне, конечно же, это показалось странным, но разве будешь задавать начальству вопросы?.. Н-да... Незамужняя, детей нет. Квартиру, в которой сейчас проживает, купила за месяц до приезда. И вот что мне показалось особенно странным.

– Что?! – Толик с Татьяной подались вперед.

– Числилась эта жилплощадь за неким Толмачевым Виктором Григорьевичем, осужденным на пятнадцать лет лагерей за грабежи и насилие. По имеющейся у меня информации, там он и преставился...

– А как же квартира?

– Квартира была приватизирована и отошла его двоюродному брату, жителю нашей славной столицы.

– Ага, вот она и связь прослеживается, – обрадовалась Танька. – Он ей хату и продал. И чем этот братец занимается?

– До недавнего времени тем же, чем и усопший. – Вера Ивановна недовольно покосилась в сторону нетерпеливой гостьи. – Грабежи, разбой. Принадлежал к какой-то группировке. Сведения мои весьма и весьма скудны в этом плане. Это уж я так, по крупице... По собственной инициативе занялась. Очень уж мне стало интересно, что это за милое дитя наш городок посетило.

Она еще долго и пространно объясняла Толику и его спутнице причину своего любопытства, побудившего ее заняться наведением справок. Ссылалась на одиночество, скуку, отсутствие внуков и каких-либо интересов, скрашивающих ее старость. Несколько раз уводила их в сторону от интересующей темы. Потом сызнова возвращалась к ней.

Неизвестно как Татьяне, но Толику-то было доподлинно известно, что у Веры Ивановны дома был преподобнейший архив, содержимому которого позавидовали бы служители Тре-

тьего рейха. И то, что она сейчас испытывает нечто вроде неловкости, подсказывало ему, что в случае с Ольгой у вездесущей архиваторши случился прокол.

– Просто нигде и ничего... – выдала Вера Ивановна в заключение и обескураженно развела руками. – Отследить ее жизнь у меня нет возможности. Так что приходится довольствоваться тем, что есть.

– Вера Ивановна, – Толик, хорошо знавший ее манеру вести беседу, хитро ей подмигнул и заговорщически прошептал: – Но ведь что-то же вас насторожило? Нечто такое, что и заставило вас обзванивать давних столичных подруг?..

– Ох, Толик! – Она довольно засмеялась, колыхаясь всем телом, а его, слава богу, было предостаточно. – Тебе бы в милиции работать, а не штаны просиживать в твоей конторе... Да, конечно же! А вас бы не насторожило, что договор купли-продажи составлен месяц назад, а хозяин квартиры, подписавший его, уже как полгода в гробу?..

Торжествующий блеск глаз Таньки мог соперничать сейчас с неоновыми всполохами молнии. С видом собственницы она смахнула с Толиного плеча несуществующую пылинку и почти тут же засобиралась.

– Вы уже уходите? – Вера Ивановна, несказанно удивившись, поднялась следом за ними. – Но я еще не все сказала...

– А нам больше ничего и не нужно. – Танька подтолкнула замешкавшегося Толика к двери. – И так все ясно как божий день – девка дрянь и аферистка, если не сказать больше. Стоило ей появиться в городе, как началось повальное сумасшествие среди ее коллег, убийства...

– Пока только одно, – Кулешов вяло попробовал ее остановить.

– Не за горами второе! – издала Танька гортанно. – Коли хата у нее с бандитского плеча, если можно так выразиться, то чего еще от нее ждать?!

– Ну... деточка, – Вера Ивановна недовольно пожевала губами, посмотрев на Татьяну, и неожиданно погладила Толика по руке. – Не расстраивайся так, Толенька. В этой истории не все понятно. Да и квартиру она могла купить у каких-нибудь бандитов, совершенно об этом даже и не подозревая. Н-да... не подозревая...

Уловив в ее интонации нотки неуверенности, Толик вдруг с удивительной тоской в сердце понял, что Вера Ивановна чего-то ему не договаривает, и это что-то, очевидно, и является самым сенсационным сообщением на сегодня. Но то ли решив пощадить его чувства, то ли чувства Татьяны, ревностно следящей сейчас за каждым его вздохом, Вера Ивановна не пожелала проронить об Ольге более ни единого слова.

Они обменялись дежурными любезностями и попрощались, оставив пожилую женщину допивать свой остывший чай, заваренный духовитыми листочками мяты...

Глава 5

– До Нового года чуть меньше недели...

Ласковый голос телеведущей вывел Ольгу из полузабытья. Она подняла голову с подлокотника кресла и удивленно огляделась вокруг.

Убогая комната с не менее убогой обстановкой. Старенький трехстворчатый шкаф с разьежающимися дверцами. Продавленный диван, стонущий под ней, словно добрая сотня бедных грешников в аду. Стол у окна, на котором болталась, имитируя портьеру, тюлевая тряпочка. Пара колченогих стульев рядом со столом. Черно-белый телевизор, дергающий изображение словно за ниточку на каждой второй минуте. И это кресло, в котором она сейчас задремала, не стоящее доброго слова, как и все остальное.

Что она здесь делает?! Зачем ей это все?! Где найти выход из создавшегося положения и когда это сделать?!

– Нигде и никогда, – вернули ей ее немые вопросы обшарпанные стены в выцветших обоях в мелкий цветочек.

Здесь ей куковать веки вечные до тех пор, пока не умрет или пока до нее не доберутся те, кто ей это клятвенно обещал.

Жить в постоянном страхе...

Кто-нибудь знает, что это такое?! Наверняка знает. Не одна же она во всем мире с такой бедой. Кому-нибудь да известно, как жутко вскакивать по ночам, заслышав визг тормозов под окнами. Или замирать с гулко колотящимся сердцем у двери, в которую кто-то надсадно звонит. Или постоянно чувствовать себя подозреваемой...

Ольга часто-часто заморгала, пытаясь справиться со слезами, что неизбежно следовали за приступами слабости, повторяющимися все чаще и чаще в последние дни уходящего года.

Вот действительно загадка из загадок. Когда опасность наступала ей на пятки, она была на удивление спокойна и рассудительна, а сейчас, когда положение, казалось, стабилизировалось, душа изнывает от непонятного гнета.

А может быть, это предчувствие?! То самое, что является предвестником смерти?! Не приступы морального опустошения, являющиеся следствием нервного стресса, а самое что ни на есть элементарное предчувствие! Просто ей не дано дать объяснение этому угнетающему холоду внутри...

– В Москве полночь... – продолжая мило улыбаться, сообщила между кадровыми подергиваниями телеведущая.

Ольга встала и, потирая занемевшую шею, прошла в кухню. Если можно так назвать клеть размером два на два с проржавевшей раковиной и полчищами тараканов по всем углам.

Это ей-то, вздрагивающей от брезгливости на предмет горсти крошек на рабочем столе и следов грязной обуви в прихожей, приходится жить в таком бедламе!

Ольга вновь недоуменно огляделась. Что с нею?! Куда подевалась ее патологическая неприязнь к беспорядку?! Почему ей стало совершенно безразличным такое понятие, как уют? Или изменив до неузнаваемости свою яркую внешность на полинявшую, она пытается вжиться в новую роль среди этих унылых, пахнущих мертвечиной вещей...

Взяв с подоконника недавно купленный ею высокий стакан, она налила из-под крана воды и уже собралась напиться, но вместо этого вдруг резко щелкнула выключателем и прильнула к кухонному окну.

Так и есть! Подсознание ее не обмануло, заставив вернуться к окну и заострить внимание на происходящем на улице. Глаза походя отметили, послали сигнал в мозг, и вот она, приплющив нос к отпотевшему стеклу, пытается понять, что же делает там эта девушка, что вызвала в ней такой интерес.

Совсем молоденькая, дрыгающая от холода длинными ногами, едва прикрытыми коротенькой юбчонкой, девчушка стояла посреди двора и упорно не сводила глаз с ее окна, расположенного прямо над подъездом на третьем этаже.

Крупные хлопья снега, напоминающие распушенные кусочки ваты, сыпали с неба прямо на непокрытую голову девушки. Длинные до пояса черные волосы уже почти совсем скрылись под белоснежной шалью. Курточка-дутик не спасала ее от холода морозной ночи, но она упорно не сходила с места, продолжала стоять и таращиться на окна Ольгиной квартиры. Потом еще и того хуже: она подняла руку и, несколько раз призывно махнув ею, пошла в сторону гаражей. На ходу она пару раз обернулась и вновь позвала ее за собой...

Сказать, что Ольга испугалась, значило не сказать ничего. Ее буквально парализовало. Ноги онемели от самых босых ступней до коленей. Во рту мгновенно пересохло, а сердце забилось где-то на уровне гортани. Уйма вопросов стала ввинчиваться огненными шурупами в ее мозг.

Кто она такая? Почему зовет ее? И самое главное – куда?! Может быть, она хочет предупредить ее о чем-то? Но о чем?..

Девушка между тем дошла до первого из металлических гаражей, стоящего торцом в длинном ряду себе подобных и, притормозив на мгновение, погрозила Ольге кулаком. Потом тряхнула головой, избавляя от снега волосы, и скрылась под темной аркой гаражных рядов.

И все. Будто ее и не было. Снег тут же засыпал следы ее маленьких ног, не позаботившись уничтожить ощущение полнейшей катастрофы в Ольгиной душе. И тут она будто сумасшедшая заметалась по квартире. Сначала подлетела к раздолбанной входной двери. Замок закрыт. Шпингалет тоже. Для верности накинув еще и цепочку, Ольга ринулась к шкафу в комнате. Дверцы с визгливым скрипом разлетелись в стороны, стукнувшись о стену. Так, там никого. Что еще нужно проверить на предмет обнаружения спрятавшихся маньяков? Разве что холодильник! Но чтобы кому-то влезть в ее доисторический «Полюс», нужно стать по меньшей мере карликом. Однако пренебрегая всеми доводами рассудка, Ольга заглянула в холодильник, в диван, на антресоли и, под занавес, прощупала все пальто и куртки. А вдруг там кто-нибудь да прячется?!

Никого, разумеется, не было. Покрутив самой себе пальчиком у виска, она немного успокоилась и вновь заступила на дежурство у кухонного окна.

Во дворе было пустынно.

Вообще-то этот старенький дворик Ольге нравился. Пусть не было ничего живописного в бетонной стене их блочной пятиэтажки. Окружение гаражей и покосившихся изгородей с двух других сторон так же не добавляло ему красоты. Все так. Но в стареньких качелях и давно заброшенных песочницах ощущалась какая-то патриархальная прелесть. Что-то, напоминавшее ее беззаботное детство. И когда она выходила утром из дома на работу, то ей так и грезилось, что мама сейчас свесится из окошка и строго скажет:

– Марьяша, недолго...

Но мама сейчас далеко. Связи с ней практически никакой. Да и она теперь не Марьяша, а Ольга Владимировна. Всеми отторгнутая, забытая и... похороненная. Только вот всеми ли?!

Ольга пошевелилась на скрипучей табуретке и сонно зевнула. Нет, ну сколько можно торчать там, в этих гаражах?! Насколько ей известно, другого выхода или выезда, кроме того, на который она уже битый час пялится, – не было. Гаражи, тесно сплотившись, образовывали прямоугольник с одним-единственным проездом. И если девушка, лишившая ее на эту ночь покоя, не заночевала в одном из них, то давно должна бы выйти оттуда. Представить себе ночлег в одном из этих монстров, сваренных из огромных листов замороженного железа, Ольга не могла. Посему сидела, поставив локти на подоконник, и терпеливо ждала.

Но девушка так и не вышла. Не появилась она ни через час, ни через два. Снег давно перестал сыпать на мерзлую землю, заискрившись в свете луны, звезд и единственного дворового фонаря, а ее все не было.

И вот тут-то на Ольгу и нахлынуло! Тут-то все и началось сызнова!

Ольга готова была убить себя за это чувство так называемого свербящего беспокойства, но все без толку. Оно силилось, разрасталось, заполняло все внутри и побуждало на немислимые действия, последствия которых могли быть самыми ужасными. Оно было сродни любопытству развращенной девственницы. Когда и страшно, и интересно одновременно.

– Что ты делаешь, маразматичка?! – сдавленно шептала самой себе Ольга, вдевая руки в рукава куртки и натягивая на голые ноги ботинки на толстой подошве. – Ведь все это уже было!!! Было!!! И тебе ли не знать, чем все это закончилось?!

Но попробовал бы кто, закусив удила, тормознуть на полдороге! Ноги ее не слушались, резво спускаясь по ступеням. Тревожные мысли плавилась под натиском дикого чувства, побудившего ее в два прыжка преодолеть расстояние от подъезда до арки въездных гаражных ворот. Правая рука судорожно сжимала кухонный нож, машинально сунутый ею в карман куртки на всякий пожарный случай. Какой, спрашивается, случай?! Для чего?! Неужели в ход бы его пустила, случись что-то?..

«На всю голову больная, – подумала Ольга, медленно пробираясь по накатанной дороге, припорошенной снегом. – На всю голову...»

Свет дворового фонаря сюда не проникал, но от снега и луны видимость была словно в белые ночи в Петербурге.

Ворота, ворота и еще раз ворота. Все на замках. Ни единой души человеческой. Ни единой собаки бродячей или кошки. Все словно вымерли или за версту обежали это неуютное место. Одной лишь ей было дело до блудливой девчонки, что отчаянно махала ей рукой в полночь.

Тупика она достигла минут через пять с начала своего необдуманного путешествия. Нигде и никого. Ольга недоуменно покрутилась на месте и чуть быстрее двинулась назад. Может, и вправду в каком гараже девчонка ночует. Спит себе в какой-нибудь шикарной машине и в ус не дует. А она, идиотка пустоголовая, шастает с голыми коленками по декабрьскому морозу. Еще цистита не хватает ей ко всем прочим удовольствиям...

Въездная арка замаячила перед глазами. Ольга почти с облегчением вздохнула и... в этот самый момент заметила ее.

Девушка лежала на спине, до пояса присыпанная снегом. Тень от гаража, расположенного торцом к их дому, не позволяла видеть ее, если стоять лицом к тупику и спиной к въезду. Но на обратной дороге этот участок просматривался как нельзя лучше.

Огромное темное пятно рассыпавшихся по снегу волос. Распахнутая куртка и множество темных клякс вокруг на снегу.

– Кровь?! – дребезжащим шепотом произнесла Ольга и рухнула голыми коленями в снег рядом с телом девушки. – Кро-о-овь...

Руки сами собой сгребли пригоршни темного снега и поднесли поближе к глазам. Она даже еще не успела подмерзнуть, горячая кровь этой молоденькой девчонки. Даже в этом ночном полумраке можно было разглядеть ее ярко-алый цвет. Цвет кипучей молодости и жизненного оптимизма. Всего того, что кем-то было безжалостно уничтожено, растоптано и превращено в прах...

Резким движением сбросив окровавленный снег с ладоней, Ольга вскочила с коленей и сломя голову понеслась к подъезду. Внутри ее все трепетало от еле сдерживаемого ужаса. Ей до саднящей боли в горле хотелось заорать в полный голос, завывать, запричитывать. Попытаться выплеснуть из себя хоть немного страха, что сдавливал ее сердце холодными безжалостными пальцами.

Позволительна ли для нее подобная роскошь? Да черта с два! Никогда она не объяснит усталому сонному менту, поднятому по тревоге в три часа ночи, зачем потащилась к гаражам почти голышом, да еще с ножом в кармане...

Вбежав в квартиру и захлопнув за собой дверь, Ольга обессиленно облокотилась о нее спиной и только тут почувствовала сильную боль в правой ладони. Она попыталась было вытащить руку из кармана, но попытка не увенчалась успехом. Несколько минут она в оцепенении разглядывала свой оттопыренный карман и руку, что никак не хотела вылезать из него. И лишь очередной приступ резкой боли заставил ее понять, что все это время она судорожно сжимала в кулаке лезвие кухонного ножа, прихваченного ею на «всякий пожарный случай»...

А этот самый случай, как оказалось, произошел без ее присутствия и уж тем более участия.

Бедная девочка! Бедное дитя! Ведь она чей-то ребенок, чья-то дочь!

Ольга прерывисто задышала, и слезы наконец-то хлынули бурным потоком. Сползая по стене на пол, она пыталась одной рукой перехватить глубокую рану, прочерченную острым лезвием ножа через всю ладонь, другой нащупать носовой платок в другом кармане. Но все ее движения были вялыми, какими-то безжизненными. Не понимая, что делает, Ольга вытащила из кармана куртки окровавленный кухонный нож и швырнула его через всю прихожую в угол. Затем поднялась и, размазывая по лицу слезы вперемешку с кровью, поплелась в ванную.

Остаток ночи прошел у нее в безутешных рыданиях. Она замыла куртку под струей холодной воды. Повесила ее на батарею. Перевязала, как смогла, руку и, сдвинув стрелку будильника на полчаса позже, улеглась клубочком на неразобранном диване. Опухшие от слез веки сами собой опустились, и Ольга провалилась в тяжелую дрему с мелькающими перед глазами картинками кровавых пятен на снегу. И только это страшное мельтешение стало малопомалу меркнуть, как над ухом раздалось надсадное верещание будильника.

Ольга суматошно села и не сразу осознала, почему лежит на диване без подушки и одеяла да еще в домашнем халате и тапочках. А вспомнив, глухо застонала. Шок от увиденного понемногу улегся, сменившись ощущением надвигающегося краха.

Итак, у них ничего не получилось. Все заверения, все обещания – все это не что иное, как ментовский блеф с целью...

Да, их цель оправдывала средства. А что теперь делать ей?! Опять бежать?! Так ведь вроде убежала дальше некуда, а все равно нашли.

Ольга влезла в ванную и, стараясь не намочить повязку на руке, сунула голову под теплые струи воды. Живительное действие душа немного привело ее в чувство.

В конце концов прежде чем бить тревогу, не мешало бы разузнать поподробнее – есть ли повод для нее? А что, если девица никакого отношения не имеет к событиям, происшедшим полгода назад в ее родном городе? И ее неадекватное поведение этой ночью всего лишь одно из звеньев в цепи случайностей. А кажущаяся нелепой смерть может иметь вполне логическое объяснение.

Бичуя себя подобными мыслями, Ольга выпила чашку накрепчайшего кофе и с почти успокоившейся душой вышла из дома...

Глава 6

Танька определенно свихнулась на почве выпарапывания доказательств виновности новенькой.

Во всяком случае, Толику казалось именно так. Взять хотя бы сегодняшнее утро. Стоило им с коллегами рассестись по местам, как она ворвалась в их отдел и, потрясая какой-то бумажницей, начать вещать с горящими, как у собаки Баскервилей, глазами:

– Вот!!! Я так и знала!!!

Мужики оторопело взирали, как она мечется в тесном пространстве их комнаты, задевая бедрами за углы столов. Вдоволь намельтешив перед их изумленными глазами, Танька рухнула на стул, предусмотрительно выдвинутый Сергеем, и почти счастливо выдохнула:

– Это она!!!

– Что она? – Денис игриво приподнял бровь, скользнув взглядом по Танькиным ногам в очередном новомодном произведении итальянских обувщиков. – И кто, собственно говоря, она? Танек, тебе не кажется, что ты малость того... не в себе?

– Вы все проиграли! – с победоносным видом оповестила она присутствующих. – За минувшее время никто из вас не нашел у нее великолепных ног, тонкой талии и прекрасной морды лица. Зато я...

– Что ты?

Минимум трое из присутствующих подались вперед. Трое, исключая Толика Кулешова, который сейчас сидел с видом мученика Павла и сосредоточенно разлиновывал девственно-белый лист бумаги. Уж он-то был на все сто процентов уверен, что Танькин победоносный клич имеет под собой почву. Как знал и то, <I>что именно</K> ею двигало...

– Эта девка! – Она скользнула презрительным взглядом по пустому стулу Ольги. – Кстати, она опять опаздывает... Она – убийца!

– Офонарела, да?! – Саша, прежде совершенно спокойно относящийся к любым проявлениям Танькиной безудержной фантазии, вдруг ни с того ни с сего взбеленился. – Что ты нам тут горбатого лепишь!!! Какая убийца!!! Кого она убила?! Нет, Танька, ты действительно не в себе. В этом я с Дэном согласен на все сто! А насчет того, что они проиграли, так это черта с два! Ножки у нее просто класс...

Тут же интерес мужчин переключился на молчаливого доселе коллегу. Они забросали его вопросами, раздражаясь по поводу его медлительности и нежелания обсуждать тему Ольгиных ног в присутствии Таньки.

– Я тоже участвую в пари!!! – взвизгнула она, наседая на Сашку и упуская из виду тот фактор, что Толик от потрясения едва держится на стуле. – Давай, выкладывай!!!

– Ну, хорошо... – Александр, довольный произведенным эффектом, принялся излагать в довольно пространной и чересчур многословной манере предысторию сделанного открытия.

Прошлой ночью он возвращался из гостей. Визит его носил слишком личный характер, свидание происходило при пикантных обстоятельствах, посему разглашать имена и место описываемых событий он не собирался. На возмущенный ропот коллег Саша даже не прореагировал, с философским пафосом воскликнув:

– Мир, господа, действительно тесен! А наш миниатюрный городишко – тесен вдвойне!

– Ближе к телу... – с чувственным клекотом подстегнул его Денис, вожаком облизывая губы.

– Так вот...

И Александр принялся с воодушевлением описывать романтику минувшей ночи, подробно останавливаясь на сыплющем с небес снеге и легком морозце. Он посмеивался и неторопливо вел рассказ, совершенно не заботясь о том, что большинство присутствующих с

трудом подавляло желание сомкнуть зудевшие ладони на Сашкином горле и начать трясти его как грушу.

Где-то минут через пять-семь, когда интерес к его повествованию достиг апогея, он выпалил:

– Я заворачиваю за угол, и тут она!!!

Он наотрез отказался отвечать: за какой угол, в котором часу это было и откуда вывернула их новоиспеченная коллега, подробно остановившись на деталях ее туалета.

– Легкий летний халатик выше колен. Ботинки, те, что на ней постоянно. И куртка, в которой она ходит на работу. Как вы понимаете, этот самый халатик при быстрой ходьбе совершеннейше непристойно распахивался, обнажая ее ножки. И я вам скажу – какие ножки!!! Формы изумительной. Коленные чашечки – хоть сегодня на рекламу о колготках и чулках. Длинные... Бедра прекрасные... Одним словом, Танек, еще неизвестно, кто из нас в выигрыше, а кто – нет...

Времени для достойного ответа той не осталось. Дверь распахнулась, и в комнату вошла Ольга. Спокойно проשествовав на свое место, она кивком поприветствовала всех присутствующих и лишь тогда потянула вниз «молнию» на куртке.

– Задерживаемся? – голосом распоследней ехидны поинтересовалась Танька, и не думая покидать их комнату, а как раз наоборот – оседлав стул поудобнее.

Ольга скользнула по ней ничего не выражающим взглядом (да и попробуй прочти этот ее взгляд за огромными стеклами очков) и с милой хрипотцой в голосе ответила вопросом на вопрос:

– А вас так сильно это заботит?

– Ну, нахалка! – почти восторженно протянула Танька, явно намереваясь вступить в перепалку с новенькой. – Опаздывает почти каждый день, а вам всем и дела нет?! Почему кто-то должен за тебя работать?!

Ольга промолчала и, повесив куртку на общую вешалку, вдруг пошла напрямик к столу заместителя. Бедный Толян не знал, куда ему деваться. Глаза неотступно следили за ее поступью. Воображение судорожно рисовало абрис ее лодыжек, коленей, поднимаясь все выше и выше к плавному и, как уверял всех Сашка, прекрасному изгибу бедер. Сердце заколотилось, ладони вспотели. Он так увлекся, что не сразу сообразил, с каким вопросом обратилась к нему новенькая.

– Что? – Толя Звягинцев поднял голову, впиваясь взглядом в каждую черту ее лица.

И кто придумал, интересно, что она некрасива?! Губы даже без малейших следов помады выглядят на редкость сочными. Аккуратная верхняя и слегка по-детски припухлая нижняя. Тонкие крылья носа. Да девочка имеет в своем арсенале не один боекомплект скрытых прелестей!

Вот она склоняется к нему, приближает свое лицо к его и что-то снова говорит, обдавая свежим дыханием с ароматом мяты.

– Что? – просипел он вторично.

– Вы сердитесь на меня? Простите, я опоздала. В силу объективных причин...

Боже, а какая кожа! Нежнее персика... Нет, пожалуй, для последнего она слишком бела. Но бархатистости его наверняка не уступит. Толик так расчувствовался, что едва сдержался, чтобы не погладить ее по гладкой белой щеке.

– Анатолий Иванович, – Ольга тронула его плечо. – Извините меня. Постараюсь больше не опаздывать.

– Да ладно, чего там, – залопотал он невнятно.

– В силу объективных причин, – вновь повторила Ольга и... улыбнулась.

Ее улыбку, сексапильнее и прекраснее которой не было, видел только он один, этим и объяснилась его неадекватная реакция, повергшая присутствующих в изумление. Толя обмяк

на стуле, хрюкнул пару раз что-то нечленораздельное и, вдруг резко снявшись с места, ринулся вон из комнаты.

Дверь за ним с грохотом захлопнулась, и в отделе воцарилась тишина. Ольга, воспользовавшись затишьем, недоуменно дернула плечами и, усевшись за свой стол, включила компьютер. Казалось, инцидент исчерпан, пора приступать к работе.

Но Танька, изжога желудочная, и не думала униматься. Встав с места, она продефилировала по помещению и подняла вверх указательный палец правой руки со словами:

– В силу объективных причин!!! Уж не тех ли самых, что заставляют нашу бедную красавицу бегать почти голышом ночью по улицам, причем в непосредственной близости от места совершения преступления!!! Кровавого и страшного, как черная бездна преисподней...

Толик Кулешов понял, что Танька решила пойти ва-банк. Сложив по кусочкам разрозненную информацию и воссоздав картину, какую ей хотелось и о какой мечталось, она решила с ходу сбить с ног бедную Ольгу своей осведомленностью. Но он, даже в мыслях своих не допускавший, что Танька хоть в чем-то окажется права, был сражен наповал реакцией новенькой.

Ольга буквально позеленела. Пальцы ее застыли над клавиатурой, да так и повисли в воздухе, не смея ее коснуться. Голова почти упала на грудь, из которой начали вырываться то ли вздохи, то ли всхлипы.

Как же Кулешову хотелось сейчас прижать ее милую головку к своей груди. Пожалеть, понять и, если можно, – простить. И как он справедливо предполагал, такое желание охватило почти каждого из присутствующих, исключая Татьяну, конечно же. Та, поняв, что движется в нужном направлении, нависла над перепуганной непонятно отчего Ольгой и инквизиторским тоном продолжила:

– Та девушка, что была зверски убита сегодняшней ночью...

– Я ее не убивала! – просипела Ольга и спрятала лицо в ладонях.

– Но это тебя видел Александр сегодняшней ночью бегущей с места преступления! – Танька отчаянно блефовала, но удача, видимо, ей сопутствовала, потому как Ольга вдруг начала заваливаться набок, мертвецки бледнее лицом.

Переполошились все, кто был в кабинете. Даже начальник высунул лысину из-за своей стеклянной двери и погрозил им кулаком, прошипев перед тем, как убраться обратно:

– Доиграетесь вы мне! Сокращу всех к чертовой матери! Проводите ее кто-нибудь домой, раз ей плохо...

Плохо ли ей? Да на ней просто лица не было. Краше в гроб кладут. Уголки губ горестно опущены. Слезы ручейками выбегали из-под стекол ее нелепых очков. Плечи судорожно вздрагивали. Кое-как справившись с головокружением, вызванным Танькиными словами, Ольга вновь села прямо и сдавленно прошептала:

– Оставьте меня в покое! Я прошу вас! Вы ничего, ничего не знаете!..

– А хотелось бы узнать!!! – почти взревела Танька, коршуном кружа вокруг новенькой. – Очень хотелось бы!!! Или ты рассказываешь нам все сама, или я иду в милицию!

Толику показалось или из груди Ольги действительно вырвался вздох облегчения?

Он вообще мало что понимал в том, что происходит. Какие-то нелепые совпадения, и на их почве сфабрикованные этой оголтелой самкой обвинения.

Господи, да обрати ты свой взор на ангела!!! Она действительно казалась ему сейчас ангелом во плоти. Невыносимая бледность лица, скорбное выражение которого могло бы пронять самого дьявола. Судорожно сцепленные подрагивающие пальцы. Он бы каждый из них обцеловал...

Но этому, видно, никогда не суждено сбыться, судя по тому, в какое иступление впала Татьяна. Брызжет слюной в разные стороны. Слова выскакивают из нее подобно автоматной очереди. Вот приостановилась ненадолго. Расправила плечи, как перед прыжком с трамплина, и выдала такое, от чего Толика едва не стошнило...

Все! Это был последний козырь из Танькиной подтасованной колоды. И он, по всей видимости, был единственным некрапленным...

– Вот эта бумага пришла сегодня на факс моего отца. Сначала сделаю небольшое отступление: мною был послан запрос в одну из авторитетных инстанций города Москвы. Был сделан сразу по приезде сюда этой высокочтимой особы, – это прозвучало у нее почти как «особи». – Но ответ пришел только сегодня. И знаете, что в этой бумаге?!

Танька определенно съехала с катушек, потому что таким возбужденно-вибрирующим голосом нормальный человек разговаривать не может. Все замерли в ожидании. Даже Николай Николаевич приподнял от бумаг лысую голову и внимательнейшим взглядом окинул из своего застеколья всю команду.

На какие-то минуты воцарилась полнейшая тишина. Все смотрели на Татьяну. Ольга, доселе избегающая ее взгляда, вдруг тоже приподняла подбородок в ее сторону. Минимум двое из четверых мужчин затаили дыхание. И тут она обрушила на них эту гребаную правду. Ту самую, что перечеркнула разом все светлые помыслы Кулешова о счастье. И ту самую, что мгновенно делала Таньку хозяйкой положения с полнейшим правом обладания им.

– Эта бумага повествует о некой Яковлевой Ольге Владимировне, проживающей на Сиреневом бульваре города Москвы, – за торжественным началом на их бедные головы почти тут же обрушился ушат леденящей истины. – Проживавшей, вернее будет сказано. Проживавшей с конца... пятьдесят третьего года. Ныне эта благородная гражданка является покойницей. И если существует в нашем говенном мире нечто похожее на переселение душ и как следствие – переселение их анкетных данных, то плюньте мне все разом в лицо!..

Вот именно после этих слов Толику и сделалось худо. В желудке что-то неприятно сжалось, заныло, а к горлу подступила тошнота. Еще минута, и его бы вывернуло прямо на сводку потребленной электроэнергии за прошедший квартал, но тут вдруг в полнейшей тишине, которая вновь гнетуще повисла под сводами комнаты, раздался тихий смех.

Он даже не сразу понял, кто это так мелодично смеется, пока не поднял голову и, к вящему удивлению своему и всех присутствующих, не обнаружил, что смеется Ольга. Даже невозможно попытаться описать этот самый звук. Прекраснее его наверняка не было, но именно это-то и добило Толика окончательно.

Он подскочил будто ужаленный со своего места. Подлетел к Ольге. Сорвал с ее носа очки. Одним движением сдернул с конского хвоста черную махристую резинку и, с дикой болью в сердце увидев ее необычайную привлекательность, прошипел:

– Чего ты смеешься, дура!!! Ты хотя бы понимаешь, что эта бумага – приговор тебе?!

Ольга на мгновение опешила и не нашла, что ответить. Волосы, почувя свободу, рассыпались по плечам. Глаза, лишённые защиты, растерянно заморгали. А из груди, вопреки всем законам логики, рвался безудержный смех.

– Вообще-то ты сам дурак! – выдавила она наконец и заправила растрепанные локоны за уши. – Чего так разволновался, не пойму...

– Не понимаешь?! Не понимаешь?! – Толик обхватил свою голову руками и почти простонал. – Да тебя прямо сейчас отсюда в наручниках уведут!!!

– Кто это сказал?

Ну это было уж слишком! Допустим, можно чего-то недопонимать, но вести себя так нагло в подобной ситуации... Такое не прощается даже красавицам.

А то, что Ольга явно принадлежала к их числу, стало очевидно не только Кулешову.

Сергея, вытаращившись на нее, кажется, даже не слышал, о чем идет речь. Денис едва не закатывал глаза от возделенного предвкушения. А Сашка явно тяготился присутствием Таньки и более чем красноречиво указывал той глазами на дверь.

Но не тут-то было!

– Я сказала! – рявкнула она, отвечая на самоуверенный вопрос Ольги. – Я сейчас же звоню в милицию и делаю это сенсационное заявление. Думаю, что им заинтересуются не только наши газеты. Посмотрим, что ты тогда сделаешь!

– Пойду домой, – Ольга широко улыбнулась, сделавшись краше еще на пару порядков, и облегченно выдохнула. – Ну не получилось у меня пребывать в этом городе инкогнито, не получилось. Зачем же так возбуждаться?! Кстати... – Она повернулась на стуле всем корпусом и как-то уж слишком пристально посмотрела на Сергея. – Вы меня не проводите... Сережа?

Попробовал бы кто-нибудь отказать ей! Да виси над ней хоть нож гильотины в настоящий момент, и то бы любой из них кинулся к ней с распростертыми объятиями. А если еще с ее уст слетает просьба, да сказанная таким хрипловато-интригующим голосом...

Серега, разумеется, не был исключением. Молча кивнув ей в знак согласия, он быстро сбросил всю разложенную на его столе документацию в выдвинутый ящик и, забежав на минутку к Николаю Николаевичу в аквариум (так они все называли его кабинет), схватил с вешалки Ольгину куртку.

Она нарочито далеко отвела назад руки, так, чтобы грудь, которая имела место быть, предстала всем на обозрение под обтянувшим ее свитером, и почти пропела:

– Благодарю, Сережа. Идемте... Думаю, что здесь мне больше делать нечего...

Они вышли, даже не прикрыв за собой двери, и вскоре из общего коридора раздался почти счастливый смех.

Стоило ли говорить, что Сереге в настоящий момент завидовали все? Дэн мгновенно припал к обгрызленным донельзя ногтям, сосредоточенно размышляя о чем-то. Сашка то и дело ерошил ежик русских волос, наверняка не раз пожалев о своем откровении на предмет красивых ножек новенькой. А Толик... Толик Кулешов был уничтожен!

Он был повергнут на обе лопатки, совершенно запутавшись в том, кто же его на них поверг-то в самом деле!

Обессиленно опустившись на свой стул и не замечая, какой мертвенной бледностью окрасилась вялая кожа Танькиной физиономии, Кулешов попытался подвести итог случившемуся.

Итак... Ольга Владимировна Яковлева действительно когда-то проживала в Москве на Сиреневом бульваре. Значит, такое физическое лицо все же в природе существовало. Но, судя по ответу на Танькин запрос, это самое лицо давно в могиле и почило там, видимо, в силу своего преклонного возраста. Отсюда вопрос – как оказалось, что новая сотрудница и покойная носят одну и ту же фамилию, имя, отчество, но при этом пребывают в разных возрастных категориях и по разные стороны этого, как изволила выразиться Танька, говенного мира? Здесь могут быть только два предположения. Первое: эти две дамы – родственницы, в силу обстоятельств, волею случая или собственной эксцентричности носящие одни и те же имя и фамилию с отчеством. Второе: Ольга на самом деле и не Ольга вовсе, а некая дама икс, скрывающаяся под этими анкетными данными опять же в силу обстоятельств.

И тут возникают сразу два новых вопроса. Первый – зачем ей все это нужно? И второй – почему разоблачение в присутствии совсем немалочисленной публики не вызвало в ней и тени страха? А как раз наоборот. Толик мог поклясться, что ее смех был сродни облегчению. В нем не слышалось ни истерии, ни слез, ни покаяния. А только облегчение. Будто неимоверный груз упал с ее плеч. Груз, который ей навязали посторонние и который эти же самые посторонние с ее плеч сняли...

Следовательно, Толику просто необходимо выяснить, что за тайна за семью печатями скрывается за этой метаморфозой с Яковлевыми Ольгами Владимировнами. Иначе... Иначе пыхтеть ему до гробовой доски в супружеском ярье с нелюбимой, некрасивой и... богатой.

Чувствуя, что ее здесь больше никто не задерживает, даже более того – мало кто хочет лицезреть, Танька ужом выскользнула за дверь и до самого обеденного перерыва более не показывалась.

Толик Звягинцев также явился к самому обеденному перерыву и, выслушав сбивчивый рассказ коллег, подкрепленный отчаянной жестикуляцией Дениса, совершенно спокойно произнес:

– А чего, собственно, вы все ждали? Что она в кому упадет? Это не тот человек! Да ее, судя по вашим рассказам, больше перепугал тот факт, что ее заметили недалеко от места преступления, чем то, что она проживает под чужим именем. Кстати, город в панике. Все только и говорят об этом втором убийстве. Девочки-то погибшие, оказывается, вместе учились. Вот теперь милиция и стремится провести параллель между первым и вторым преступлением. Я так думаю, что связь наверняка существует. Вот на этом бы вам и заострить внимание: каким боком причастна к преступлению наша Оленька? Почему ее так испугало упоминание о ночной прогулке? Может быть, ей кто-то угрожает...

– Или угрожал, – подхватил Кулешов, вдохновленный замом. – И эти угрозы каким-то образом связаны с этими девчонками.

– Возможно, возможно, – Звягинцев даже замахал в его сторону руками. – Ну не нужно так реагировать, господа ты боже мой! Это же я так – мысли вслух, а вы сразу... Нет, конечно же, если вам хочется поиграть в пинкертонов, то начинайте! Но, по-моему, это не ваша стезя, ребятки. У нас сейчас другой вопрос на повестке дня. Сбыт никому не нужной продукции – вот наша первостатейная задача! И ею нам следует заниматься, а не тем, чтобы отыскивать возможных обидчиков нашей милой девочки...

Сказал и забыл, тут же погрузившись в изучение каких-то отчетов и немислимых прожектов. А Толика эта мысль задела. И действительно, что это он так рано сдался?! Мало ли что там Танька накопила! Тут все понятно – ею движет корысть, а посему она не может быть объективной. Он-то, он чего крылья опустил?!

Нет, сегодня же вновь он наведается к Вере Ивановне и выпотрошит из нее все, что она знает об Ольге, или как там ее...

Но Танька, язва сибирская, и на сей раз спутала все его планы. Терпеливо дождавшись конца рабочего дня (одному богу было известно – чего ей это стоило), она с видом смиренной овечки попросила Толика об одолжении.

– Что за одолжение? – сразу насторожился он, удивленный как ее долгим отсутствием, так и ее подавленным состоянием.

– Мне нужно навеститься в одно место, а одной как-то неудобно идти. Проводишь, а?! Это же не так сложно для тебя? Ты же никуда не торопишься. А твою пассию Серега увел... – все-таки, не удержавшись, кольнула она его. – Ну, Толечка, миленький, ну пожалуйста!..

Быстро-быстро зашевелив извилинами, он постарался проанализировать Танькино поведение и по простоте душевной решил, что та постепенно отступает с занятых ею позиций. Идет на попятный, так сказать. И чтобы уж не совсем без боя сдаваться, решила поэксплуатировать его напоследок.

Как же он заблуждался!!! Если бы только он мог себе представить, в какую очередную бодягу его вовлекает эта хитрая женщина...

Но Толик не мог этого знать. Снисходительно хмыкнув, он потрепал Татьяну по понурому плечу и, не заметив торжествующего блеска в ее глазах, позволил взять себя под руку...

Глава 7

Ольга была девственно прекрасной... Не в том смысле, конечно, что она была девственницей, а в том, что ее красота производила впечатление нетронутости, непорочности и чистоты. Так краснеть под взглядом горящих желанием мужских глаз могла только женщина с душой невинной, буквально ангельской. Во всяком случае, так думалось Сергею, когда он освобождал Ольгу от последней детали ее туалета. Белье, вопреки его предположениям, оказалось кружевным и даже сексуальным. Нежно-розового цвета, оно как нельзя лучше оттеняло матовость ее кожи.

Руки его едва ли не вибрировали, когда он нежно поглаживал Ольгу по груди, бедрам, животу. Еще час назад он не мог даже и мечтать о том, что окажется с ней столь близок. Но события приняли совершенно невероятный оборот...

Ольгиного бравурного настроения, которое она с таким усердием разыгрывала перед коллегами, хватило ровно на половину пути. Потом она расплакалась, уткнувшись лицом в его дубленку, и на все слова утешения лишь отчаянно всхлипывала и бормотала неустанно:

– Ничего, ничего уже не будет хорошо! Ты просто не представляешь, насколько все плохо!..

Снующий кругом люд, одержимый предпраздничной лихорадкой, с елками, пакетами и сумками жутко раздражал Сергея, и он вдруг брякнул:

– Слушай, а твой дом далеко?

Ольга подняла к нему заплаканное лицо и, грустно улыбнувшись, ответила:

– Очень, очень далеко... Ты даже не можешь себе представить, насколько далеко.

– Тогда идем ко мне, – ничего не поняв из ее странного ответа, предложил Сергей. – Я живу совсем рядом.

После развода жена сделала ему более чем щедрый подарок в виде двухкомнатной квартиры, по меркам их городка роскошь небывалая, и исчезла со своим избранником из его жизни раз и навсегда. Во всяком случае, ни разу со дня их развода не напомнила о своем существовании. Сергей как мог поддерживал в квартире порядок. Потихоньку обзаводился мебелью, которую бывшая супружница присовокупить к щедрому подарку ему не пожелала, и жил в ожидании чуда, как и Кулешов.

Чуда долго не случалось, и причин тому было множество. Сергею в вину вменялась низкая зарплата, чересчур смазливая внешность и вроде бы уже и не жениховский возраст. А подкатывало ему под сорок. Но, невзирая на очередную неудачу, он продолжал терпеливо ждать. И сейчас, сжимая в своих объятиях прекраснейшую из прекрасных женщин, он искренне верил в то, что наконец-то пробил его звездный час.

Ольга устраивала его по всем параметрам. Не наглая, не нахрапистая. Не любит выставать свое «я» на передний план. Не то, что его бывшая! Та даже в постели не знала отдыха от необузданного лидерства. Командовала, диктовала свою волю и желания. Во время оргазма орала так, что соседи начинали в стенку стучать.

А Оленька... Та лишь слабо шепчет что-то, поглаживая его плечи подрагивающими пальцами. Всхлипывает и мило-премило постанывает. Никаких тебе авангардных секс-штучек. Все без излишеств и в то же время изысканно...

– Тебе хорошо было, милая? – на всякий случай поинтересовался Сергей, целуя ее увлажнившиеся виски.

– Д-да, – как-то не совсем уверенно ответила Ольга и засобиралась в ванную. – Я сейчас...

Она закуталась в простыню и вышла из спальни, оставив разомлевшего Сергея в одиночестве. Ходики на стене мирно размахивали маятником, навевая умиротворение и благодушие. Глаза его сонно прикрылись. Он вздохнул полной грудью, намереваясь вздремнуть, и вот тут-

то, в тот самый момент, когда, казалось, не должно быть никакого повода для беспокойства, на него нахлынули сомнения.

Танькина взмыленная физиономия предстала перед глазами словно лик апостола. Слова набатом загудели в ушах: «Яковлева Ольга Владимировна – мертва...»

Черт бы все и всех побрал!!! С кем же он тогда битый час тешился в постели?! И Дэн был прав, на все сто процентов прав: зачем молодой хорошенькой девушке превращать себя в уродину? А Ольга была не просто хорошенькой, она была по-настоящему красива. Великолепно сложена. Кожа без малейшего изъяна. Лицо, волосы, губы... Все было слеплено создателем на редкость совершенным. Причина, побудившая ее скрыть от постороннего взора сие великолепие, должна быть до дури объективной.

Сергей заворочался на своем ложе, не без раздражения признав, что повел себя как последний идиот. Привел к себе в дом неизвестно кого, да еще и позволил отношениям преступить грань дозволенного. Дэн, как-то сокрушаясь после очередного провального адюльтера, пробормотал, рассмешив всех неимоверно: «Чего ни сделаешь, пока он стоит...»

Он, этот доморощенный философ, действительно достоин того, чтобы его цитировали, как классика, на предмет предотвращения глупостей.

Повести себя так по-идиотски! И это в его-то возрасте! Сергей встал с кровати, потянулся за трусами, комком валяющимися на полу, и в этот самый момент в спальню вошла Ольга.

– Что-то не так? – прямо с порога прозвучал ее тревожный голос.

– С чего ты взяла? – Сергей старательно отводил глаза в сторону, все никак не попадая ногой в дырку трусов. – Все в порядке. А что должно быть не так?!

Ольга сбросила с себя простыню, представив ему на обозрение зарозовевшееся от теплой воды тело, и рухнула лицом вниз на кровать.

Вот попробуй тут быть умным и рассудительным, когда прямо перед твоими глазами эти две крепенькие ягодички, по которым так и хочется припечатать ладонью. Сергей судорожно сглотнул и, не в силах отвести глаз от ее расслабленного тела, отбросил в сторону свое нижнее белье, которое так и не сумел надеть толком, и сел рядом с ней на кровать.

– Оль, – прошептал он почти виновато. – Тут такое дело...

– Да, да, я знаю, – откликнулась она, перевернувшись на спину и заметив его замешательство. – Мне нужно уйти, наверное. Жена или теща?..

– Ни то и ни другое, – он запустил растопыренную пятерню в волосы и прерывисто вздохнул. – Нам, наверное, не нужно больше встречаться.

– Почему? – удивилась Оля совершенно искренне. – Тебе плохо со мной? Может быть, я тебя чем-то обидела?

– Да нет, что ты! – Сергей досадливо поморщился и, не в силах справиться с собой, поцеловал ее в грудь. – Ты хорошая, славная, милая! Да при других обстоятельствах я был бы самым счастливым человеком на земле, обладая твоим телом!..

– Красиво говоришь, – хмыкнула она неопределенно. – Так что же мешает нашему с тобой счастью? Жены нет. Тещи, соответственно, тоже. На голубого ты не тянешь. Что тогда?! Кто мешает?!

– Ты, – бухнул он, словно прыгнул в пропасть, и, заметив ее расширившиеся от непонимания глаза, зачастил, проглатывая слова: – Понимаешь... Ты приехала и уедешь, а мне в этом городе жить и умирать. Здесь я родился, здесь и умру. У меня определенная репутация...

«Законченного мудака!» Ей хотелось швырнуть ему в лицо пару этих хлестких слов, но Ольга сдержалась из желания дослушать его до конца.

На Сергея было очень неприятно смотреть. Лихорадочно бегающий взгляд. Вспотевший лоб. Похрустывание пальцами. Все это не просто говорило, а вопило о том, что он отчаянно трусит.

– Придется отвечать на вопросы в каких-нибудь инстанциях. А мне бы этого не хотелось. Я не хожу по ментовкам и прокуратурам... – продолжил он срывающимся на клекот голосом. – Хотя ты очень славная и мне очень хорошо с тобой...

– Но даже ради меня ты не согласен ни на какую жертву, – напустив побольше печали в голос, продолжила за него Ольга.

– Почему?! Конечно же, согласен!!! – вскричал он, опять же удивив и ее и самого себя. – Согласен, но при условии, что ты не убийца маленьких невинных девочек и одиноких старушек...

Фу! Наконец-то он смог выговорить это вслух. Наконец-то душа очистилась от скверны недоговоренности, и теперь слово за Ольгой. На ее месте вообще-то он бы оскорбился и ушел. Но она медлит. Значит, или ей некуда идти, или она еще тот отморозок...

Ольга молчала недолго. Тщательно переварив и отсортировав трусливый лепет голого мужика, что навис сейчас над ней и сверлит ее пронизательным взглядом, она вдруг поняла, что даже понимает его чувства. Почему действительно он должен лишиться всего, что называется благополучием, ради непонятно откуда взявшейся авантюристки? А ведь он единственный, кто симпатизировал ей с первого дня ее появления у них на предприятии. И это невзирая на то, что выглядела она, мягко говоря, непрезентабельно, а грубо выражаясь – как поганка. Но Сергей все равно оказывал ей знаки внимания. Даже сегодня, после всех обвинений, якобы подтвержденных документально, вызвался ее проводить. Вернее – не отказался...

– Я – не убийца! – тихо молвила она спустя какое-то время. – Я не убивала ни маленьких девочек, ни убогих старушек. Я сама – жертва.

– То есть? – с пробудившейся надеждой спросил Сергей, осторожно пристраиваясь рядом с ней и почти по-хозяйски укладывая руку ей на живот. – Ты жертва несостоявшегося убийства? Я правильно понял?

– Нет, неправильно. – Еще немного поколебавшись на предмет откровения с малознакомым мужчиной, Ольга обреченным тоном поинтересовалась: – Ты когда-нибудь слышал о программе защиты свидетелей?

– Нет, но в кино видел.

– Вот-вот... Вот и я – идиотка безголовая, поверила, что все будет так, как в кино. Выступлю на суде. Обличу виновного. Мне поменяют имя, место жительства, и все само собой утрясется. Но...

– Но?

– Ты же видел, что получилось с этим именем. Видимо, у Танькиного папашки далеко растущие руки, раз такую информацию добыли. А ее так просто не получишь. Н-да... Не удивлюсь, что и эта квартирка, что мне родная милиция подобрала, окажется засвеченной.

– Господи! – Сергей облегченно выдохнул и с силой прижал девушку к себе. – Как же я... Идиот! Прости меня, Оль! Прости! Ладно?!

– Да за что мне тебя прощать?! Это не ты, а тот следователь с умным, добрым взглядом должен у меня прощения просить!

– Да, кстати, а кого же ты помогла им за решетку упрятать?

– Я-то? – Ольга озорно блеснула глазами. – Скажу, не поверишь...

– И все же?

– Если не самого знаменитого из всех нынешних отечественных киллеров, то и не самого последнего, поверь мне! Артема Ленского по кличке Артемон. Не слышал о таком?

– Нет, не слышал. Да и что мы здесь знаем-то в нашем забытом богом местечке? – Сергей окончательно расслабился, вновь одолевая Ольгу ласками. – Милая, какая ты... Я просто задушить тебя готов в своих объятиях!!!

– Вот и он мне то же самое сказал, перед тем как его вывели из зала суда, – подхватила она его последние слова. – Без объятий, разумеется. Я, говорит, и под землей тебя найду и придушу, сука.

– Оставим этот разговор, – он уже судорожно дышал ей в ухо. – Он на нарах. Тебе ничто не угрожает. Расслабься. Ты со мной. Я смогу тебя защитить...

Сказано было, конечно же, с пафосом, но не умно. Ольга едва не рассмеялась от такого легкомысленного заявления. Надо быть полным идиотом, не знающим современный мир суровой криминальной тусовки, чтобы сказать подобное. Но и опять же, можно сделать скидку на тот случай, что имеешь дело с дилетантом, но Артемон...

Насколько о нем была наслышана Ольга от работников милиции, бесчеловечнее и хладнокровнее убийцы еще не существовало. Это был вариант российского Шакала. Постоянно ускользающий от правосудия и от длинных рук своих же братков. Ему заказывали отстреливать самую верхушку бандитской иерархии. И ни разу у него не было прокола. Ни разу он не наследил. До того последнего момента, пока не попался на глаза Ольге, в то время еще Марьяше.

Его ничего не понимающий гневный взгляд редкую ночь не преследовал ее в сновидениях. Скрежет зубов. Вцепившиеся в решетку побелевшие пальцы и этот змеиный шепот:

– Я и под землей тебя найду и придушу, сука! Сколько бы ни прошло лет, знай – ты подписала себе смертный приговор именно сегодня, день в день!!!

Глава 8

Двор, в который его привела Татьяна, мало чем отличался от других в их городе. Бетонные серые стены блочного дома. Длинные ряды гаражей. Заброшенные проржавевшие качели и развороченные, припорошенные снегом песочницы.

Танька, низко опустив голову, тянула его к среднему подъезду.

– Куда мы идем? – Толик вращал головой в разные стороны, сиюсь понять цель принятого путешествия.

– Сейчас, сейчас, уже здесь... Рядом...

Она старательно прятала глаза от Толика, и стоило им подняться на третий этаж среднего подъезда, как он сразу понял – почему.

– Ты что задумала?! – прошипел он еле слышно ей на ухо.

Но ответа не последовало. Танька ухмыльнулась почище Джоконды и скомандовала двум парням, глыбами привалившимся к перилам лестницы:

– Дождались, молодцы. А теперь начинайте!..

– А чего тут начинать, Танек! – Один из них, одетый в полушубок из какого-то пятнистого зверя, подошел к раздолбанной двери и легонько толкнул ее указательным пальцем, сильно смахивающим на сосиску. – Тут дверь, как в сказке про трех поросят: дунь, она и откроется.

Дули на дверь они, по всей видимости, в их отсутствие. Потому что она приветливо распахнулась, впуская всех в полупустую прихожую.

Толик зашел последним и замер сразу у порога. Затея ему совсем не нравилась. Он, правда, еще не все понял. Так, мелькали в голове смутные подозрения, но поверить в них окончательно он остерегался. Потому и стоял, потя от страха и нетерпения, и помалкивал.

Танька же мгновенно развила бурную деятельность. Она носилась из кухни в комнату и обратно. Открывала дверцы шкафов, хлопала ими без стеснения. Ворошила немудреные вещички, сложенные кем-то по полкам.

– Ну не может же быть, чтобы ничего не было!!! – восклицала она всякий раз со все более нарастающим отчаянием.

Парни, те, что терпеливо ждали их появления перед прикрытой дверью квартиры, помалкивали. В точности скопировав положение своих огромных туловищ на лестничной клетке, они застыли у стен прихожей и лениво перекатывали по рту «Орбит».

Никто не задавал никаких вопросов, из чего Толик сделал вывод о предварительном сговоре их с Танькой. И этот факт ему понравился еще меньше, чем незаконное вторжение на чужую территорию.

Неистовство Татьяны закончилось где-то минут через двадцать. Поправляя растрепавшиеся волосенки, кудельками повылезавшие из-под собольего берета, она в отчаянии покусывала тонкие губы, норовя вот-вот заплакать.

– Чего, Танек? Сваливаем? – открыла рот глыба номер один и нагнулась завязать распутавшийся шнурок на зимних кроссовках. – Да, наверное, – с полнейшим отчаянием в голосе промямлила она и все же всхлипнула.

– А чего хоть искала-то? – продолжал он терзать ее вопросами, переключившись на второй шнурок.

– Васька, ну какой же ты придурок! Компромат, конечно же! Ком-про-мат, понимаешь?! – Она говорила в полный голос, совершенно не заботясь о том, что их могут услышать. – Эта сучка должна же была хоть что-то прятать дома! Документы, фотографии, ну я не знаю что еще?!

– Или нож окровавленный, да? – Тот, кого она назвала Васькой и придурком по совместительству, разогнулся и осклабился в шутовской ухмылке. – Ну, пусть я придурок, Танек, ну ты-то умная баба, должна же понимать, что такие вещи хранят только маньяки...

И тут, доселе не издавший ни звука его собрат, мало чем отличавшийся своими внешними данными от Василия, вдруг шумно втянул в себя воздух, потом с таким же шумом выдохнул и протянул:

– Обалдеть можно!!! Васька, ты гений!!! Васька захлопал белесоватыми ресницами. Понять, почему это он вдруг сиюминутно из придурка превратился в гения, было ему, мягко говоря, не под силу.

– Чего? – ошалел он. – Чего лопочешь?

– Гляди внимательно в угол, – прошипел его спутник. – Только не вздумай ручищами лапнуть! Да не туда ты смотришь, елки-палки!

Ему удалось завладеть вниманием всех присутствующих. Все они, как один, посмотрели в направлении, указываемом его пальцем, и почти одновременно ахнули.

В самом темном углу прихожей, где стояла пара домашних тапочек и лежала аккуратно сложенная половая тряпка, валялся большой кухонный нож.

– Мешок целлофановый, быстро!!! – сатанея от восторга, прошептала Танька. – Надо его упаковать!

Мешок нашелся почти мгновенно в одном из обширных карманов Василия. Вытряхнув оттуда крошки печенья, он аккуратно ухватился двумя пальцами, обернутыми целлофаном, за самый кончик лезвия и, упаковав его, поднес к одиноко горящей в коридоре лампочке.

– Смотри, он весь в пятнах! – взволнованно пробормотал он и, оборачиваясь к приятелю, качнул головой. – Ты даешь, Петро! Как углядел...

Он сунул упакованный нож во внутренний карман куртки и, распахнув входную дверь, шутливо скомандовал:

– А теперь в путь. Хозяина есть чем порадовать...

Как к этому был причастен Танькин папаша, Толик недоумевал всю дорогу. А пока он на негнущихся ногах подошел к припаркованному на соседней улице новехонькому «Форду», опустился вместе с Танькой на заднее сиденье и погрузился почти в летаргический сон. Танька, надо отдать должное ее сообразительности, к нему не приставала. Лишь обвила его руку своей и то и дело деловито поправляла ему шарф.

Итак, все кончено!!! Все мечты, все, все – прахом! Выдержать за один день столько потрясений, столько взлетов и падений под силу разве только человеку, лишенному напрочь души и сердца. Но он-то, Толик, не был таковым! Он-то был самым обычным мужиком из крови и плоти! За что же его так судьба наказывает?!

Он едва не плакал, делая вид, что рассматривает пролетающие за окном улицы их милого Зажопинска.

Ольга, Оленька... Мыслимо ли это?! Как же ты могла совершить подобное?! Нож в пятнах крови, да менты слюни по колено распустят, имея на руках такую улику. Им никаких свидетелей не нужно, хотя и таковые тоже имеются. Сашка вон видел ее бегущей почти голышом среди ночи...

Такая совершенная внешность и такое порочное нутро! Личико ангела с душою дьяволицы. Он ведь совсем уже было собрался навестить Веру Ивановну с тем, чтобы снять с Ольги все дурацкие обвинения Татьяны, а тут такое...

Да, теперь он окончательно уверовал в то, что Танька не просто из ревности землю носом рыла. Есть все же у нее чутье, есть. Наверняка в папашку своего предприимчивого уродилась. Зачем же ему все-таки ножичек?..

А если разобраться – а нужно ли Толику об этом знать?! Пускай как хочет им распоряжается. Пусть хоть ментам девчонку сдает, пусть хоть в своих целях использует.

Татьяна, словно уловив его настроение, погладила его по плечу ручкой в кожаной перчатке и тихо произнесла:

– Не мучайся, мой хороший. Не надо. Все у нас с тобой будет хорошо. Поверь...

Да, проницательности ее можно позавидовать. Людей буквально насквозь видит. Может, и не стоит мучиться по поводу случившегося? Что бог ни делает, все к лучшему! Будет у них с Танькой дом – полная чаша. Да и сам дом, думается, будет. Не в его же однокомнатной квартире жить первостатейной богачке их города?! Родители его опять же останутся довольны: выгоднее партию для родимого чада вряд ли можно здесь сыскать. А что лицом неказиста... так ночью все кошки серы.

Сергея, идиот, пошел Ольгу провожать и того не ведает, в какое говно вляпался. Ведь затаскают же по ментовкам. Поди потом доказывай, что ты не верблюд...

Размышлял обо всем этом Толик не без внутренней боли и удовлетворяющей душу мстительности. А когда «Форд» вкатил на широкий двор особняка Танькиных родителей, то боль практически испарилась, оставив место в душе лишь тайной радости по поводу людской глупости и собственной осторожности.

Дураком же надо быть, чтобы отказываться от такого! Подобные картинки он лишь в кино про крутых братков видел, а тут, глядишь, зятем заделается да и займет один из этажей вместе с супругой своей невзрачненькой.

Нет, воистину, на судьбу роптать рано. Напридумывал себе, будто бы Ольга – его счастье. Вот оно, его счастье! В этом домище в три этажа с тонированными стеклами. В земельном участке почти в полгектара с крытым бассейном да с зимним садом, где обостренное зрение Толика углядело суеязную прислугу с подносами.

Мысленно представив себя сидящим в одном из кресел среди этого зеленого буйства экзотических растений и лениво потягивающим дорогой коньяк, он быстренько настроился на благодушную волну и даже соизволил подать руку выползающей из машины Татьяне.

Та, молниеносно уловив перемену в его настроении, премило улыбнулась и пробормотала:

– Спасибо, милый. Идем, папа давно нас ждет. Мы как раз к ужину...

Ужин превзошел все его ожидания. Кушали едва ли не с золотых тарелок. Дорогие вина искрились в высоких бокалах богемского хрусталя. Блюда сменяли друг друга, поражая изысканностью и вычурностью названий. Бедный Толик уже незаметно от всех распустил ремень на брюках, а глаза все еще продолжали пожирать гастрономические изыски, от коих ломился стол. Такое он видел лишь в рекламных роликах да в кулинарных книгах матери, собирать которые та была большая охотница.

Атмосфера за столом царилась непринужденная. Отец Татьяны, хотя и произвел на Толика неприятное впечатление абсолютным своим сходством с дочерью, старался вести себя с гостем по-приятельски. Он то и дело пожимал ему руку, протягивая свою над столом и едва не окуная широкий рукав домашнего пиджака в блюдо с салатом из мидий.

– Толян, – растопырив пальцы веером, лопотал изрядно захмелевший папаша. – Да мы с тобой таких делов наворотим, братан...

«Делов» с папой Толику не хотелось. Как не хотелось и лицезреть его постоянно. Ему за глаза хватало постной Танькиной физиономии, чтобы к ней еще присовокупить и папину. Посему он кисло улыбался тому через слово и не очень уверенно поддерживал беседу. Через час отче наконец прозрел, что гостя несколько утомляют разговоры о его прожектах, он озадаченно крякнул и, щелкнув пальцами, приказал прислуге:

– В кабинете моем сделай кофе. Нужно мне там с будущим зятем покалякать...

Толик с немой мольбой посмотрел в лицо Татьяне, но та лишь паскудно улыбнулась и снисходительно промурлыкала ему на ухо:

– Не нужно так сильно бояться, Толенька. Просто делай все, что скажет папа.

Папа на сей раз был немногословен. Хлобыстнув подряд три чашки черного, как ночи Востока, кофе, он заметно протрезвел и, усевшись в высокое кресло за огромным двухтумбовым столом, указал Толяну на кресло для гостей:

– Садись...

Толик послушно опустился в кресло и застыл с нетронутой чашкой кофе в руке.

– Значит, говоришь, Танька тебя выбрала... – не обращаясь к нему конкретно, пробормотал папа. – Ну что же... Не скажу, что я в восторге от ее выбора, но ей виднее. Да и ей ли копаться, мордашка у нее не очень...

«Еще как не очень!!!» – хотелось возмутиться Толику, но он предусмотрительно смолчал.

– Ну что же, выбрала, значит, выбрала, – продолжил между тем хозяин дома. – Будем теперь думать, как нам с тобой лучше жить.

«Вообще-то жить я собирался с вашей дочерью», – вновь захотелось вставить Толику, но он опять смалодушничал.

– Молодец, – неожиданно похвалил его Танькин папа. – Молчишь, хотя слова так и просятся с языка, так, что ли... зятек?

– Да... Нет... Не знаю, – принялся мямлить Кулешов, не зная, куда деваться от пронизательного ока папы.

– Да ладно тебе, не трусь, – хмыкнул тот понимающе. – Я с первого взгляда понял: не ходок ты до наших дел, не ходок. Плохо, конечно же. Сына у меня нет. У Таньки одни тряпки да цацки на уме. Ну еще, правда, была у нее навязчивая идея подцепить себе хорошего мужа. Вот на тебе свой выбор остановила, значит, ты такой и есть. Мало ли чего мне хотелось, так ведь?! А?! Чего куксишься-то?

– Да, наверное... – пролепетал Толик, ухватившись и второй рукой за чашку, дабы не расплескать ее содержимое.

– Я ведь ей, как тот старый король-отец, кого только не сватал. Какие ребята: и стать, и ум, и красота. Так нет же, нос воротила. Этот кривоног, у этого грудь волосатая, у другого образования нет. А ребята были все нашего прихода, если можно так выразиться. Н-да... Последнего так вообще с лестницы спустила...

– Чего же так? – насмешливо встрял Толик, уязвленный откровениями папы.

– А вот на тебя запала, дурочка. А того не понимает, что тебе от нее ничего, кроме бабок, не нужно. Глаза у родителя сделались колюче-прозорливыми. Толику даже показалось, что тот сейчас достанет откуда-нибудь из складок велюрового пиджака пистолет с глушителем и начнет отстреливать его контур на высокой спинке кресла. Но пистолета не было. Зато на свет божий из одного ящика стола были извлечены огромные портновские ножницы и с металлическим лязгом водружены на столешницу.

– Видишь? – Хозяин сузил глаза до щелочек.

– Вижу, – едва ли не икнул Толик от страха.

– Знаешь, что это такое?

– Ножницы.

– Правильно, молодец, ножницы. А зачем они мне, не знаешь?

– Догадываюсь. – Кулешову вдруг до черта надоело трястись осиновым листом, а неожиданно захотелось сделаться вызывающе-наглым и смести с унылой физиономии папаши выражение превосходства.

«Силовик, мать твою!» – хотелось ему выплюнуть тому в лицо, но вместо этого он ехидно заухмылялся и, к полному изумлению и неожиданности папы, выдал:

– Думаю, для того, чтобы отстричь мне яйца, дорогой тестюшка. В тот самый момент, когда я решусь изменить вашей дочери или, упаси господь, бросить ее. Я не ошибся?

– А ты молодец! – протянул тот нараспев, даже не сумев скрыть того, насколько он ошарашен. – Да ты не так прост, как я вначале подумал...

– А вы подумали, что я – охотник за приданым?

– Ну-у-у, что-то вроде того.

– Хм... Не стану скрывать – я полностью поддерживаю мысль: с милым рай в шалаше, если милый – атташе. То же самое отношу и на счет «милрой». Но в случае с Татьяной... Здесь все не совсем так...

– Да? И что же это? – Папа скептически скривил бескровные губы. – Чувство?

– Да, именно! – Толик соображал, что его несет, но, поняв, что несет в единственно нужном направлении, уже не мог остановиться. – Это чувство признательности, благодарности, восхищения, наконец! Да, да, не смейтесь! Я восхищаюсь ее умением видеть и чувствовать людей. Ее проникательности могут позавидовать многие, и, думаю, это чувство она унаследовала от вас.

– И именно это чувство помогло наставить тебя на путь истинный в случае с той девчонкой? – вкрадчиво прошелестел папа как бы между прочим, впиваясь взглядом в лицо Анатолия.

Но тот стойко выдержал удар, которого ждал и к которому готовился.

– Именно! – с жаром воскликнул он. – Именно! Пока мы – четверо дураков – ломали головы над тем, какая у девушки грудь, Татьяна смогла узреть главное...

– Что же... Откровенно, ничего не скажешь. И даже убедительно. – Папа встал и зашагал по кабинету, изредка бросая на умолкнувшего Толика загадочные взгляды. – Ну а как же ты рассматриваешь тот факт, что у Таньки этой самой груди нет?

– Я ее не рассматриваю, я ее щупаю, – на одном дыхании выпалил Кулешов, совершенно забыв испугаться своей фамильярности. – И обнаруженное, скажу вам как ее отцу, радует...

Будущий тесть опешил!

Толик явно видел, что тот растерялся, услышав его монолог, и сейчас не может найти нужных слов для достойного ответа. Минуты на три в кабинете повисла пауза, и потом вдруг раздалось оглушительное ржание почтенного хозяина дома. Смех его был густым и сочным, что совершенно не вязалось с его тщедушным обликом. И по тому, как долго он длился, Толик сделал вывод, что вступительный экзамен он сдал с достаточно высоким проходным баллом.

Будущий тесть между тем, отсмеявшись, настолько расчувствовался, что отодвинул висевшую на стене картину неизвестного Толику импрессиониста и распахнул дверцу сейфа.

– Вот, гляди! – возбужденно пробормотал папа и знаком велел гостю подойти. – Это ли не пещера Али-Бабы?!

Доллары, доллары, доллары, какие-то шкатулки, видимо, с драгоценностями, и опять доллары.

– Круто? – хвастливо подбоченился хозяин дома. – Цени, что доверяюсь тебе, зятек! Редко кому удастся сюда нос сунуть. Даже дочке своей, Таньке, и то не позволяю. Нет, ну ты молодец! Так ее расхвалил, что я и сам поверил в ее неповторимость... А между нами, мужиками, вот что я тебе скажу: коли и заведешь какую сучку на стороне, я не в претензии. Сам такой!.. Он еще пару раз хохотнул и совсем уже было собрался закрыть дверцу сейфа, когда Толик, кивнув подбородком в том направлении, спросил:

– А это-то вам зачем?!

– Ты о чем? – удивленно поднял брови папа и проследил за его взглядом. – А-а-а! Так ты о ноже! Так ведь кто знает, что, когда и где может пригодиться. Девчонка, что попыталась встать между тобой и Татьяной, не так проста. В убийствах она, конечно, не замешана. Фуфлю это, чистой воды фуфлю, потому как вторая жертва была изнасилована мужиком, а не бабой. Но есть у меня одна наметочка насчет этой сучки, если она через пару дней подтвердится, то у меня в руках не просто динамит! У меня в руках – ядерное оружие!!! Ну да ладно, тебе это ни к чему. Наверняка неинтересно... Идем, дочка, наверное, заждалась.

Кого и где сейчас ждала Танька, Толику было глубоко наплевать. Получив очередной удар судьбы в область сердца, он лишь вымученно улыбнулся и попытался побыстрее повернуться к хозяину дома спиной.

Не убийца... Изнасилована мужчиной... Не убийца...

Сказанные вскользь слова душили его! Уничтожали всю бравурность и весь оптимизм, что ненадолго поселились в душе разнесчастного Толика. Выходя из кабинета раздавленным и растоптанным, он даже не позаботился о том, чтобы скрыть от избранницы свое эмоциональное состояние и надеть на лицо маску благодушия.

Но Татьяна, казалось, ничего не заметила. Прощебетав остаток вечера ему на ухо о своих намечающихся планах и предстоящих хлопотах, она дала указание шоферу отвезти нареченного домой и мило чмокнула Толика в щеку на прощание. Он лишь вымученно улыбнулся ей в ответ и, не сказав ни слова, кулем упал на заднее сиденье.

И вот тут-то к горлу подступило... И не рыдания, и не тошнота даже вовсе, а нечто похуже. Прямо астматический синдром какой-то! Дышать было нечем. Говорить невозможно. Внутри будто полыхает. Все, буквально все, что он имел счастье сегодня лицезреть, щупать руками и мысленно оценить в рублевом эквиваленте, не имело для него теперь ровным счетом никакого значения.

Кое-как проямлив слова благодарности молчаливому шоферу, Толик Кулешов выпал из машины, проволочся до своего подъезда и, уронив себя в кабину лифта, разрыдался-таки наконец.

Он не плакал с пяти лет. Родители его никогда не обижали. Со сверстниками отношения складывались без вражды. В институте ни с кем не конфликтовал. Да к тому времени вроде как и не пристало плакать.

А сейчас, поди же ты! Притулив свой зад на заплеванном полу кабины лифта, Толик всхлипывал и размазывал по лицу слезы. Не прекращая своего занятия, он с трудом поднялся, доехав до своего этажа, вошел в квартиру и разрыдался пуще прежнего. Как был в ботинках и куртке, он упал на диван в комнате и зарыл голову в подушку. Кто-то настойчиво названивал ему по телефону с интервалом в десять-пятнадцать минут. Дважды осаждали дверь его квартиры, но Толик был слеп и глух ко всем звукам извне. Он вслушивался и вглядывался сейчас в самого себя, и то, что он там вдруг обнаружил, совсем, совсем ему не понравилось, вызвав новый приступ истерии.

Хотелось ему или нет, но не признать тот факт, что проигравшим он числится из-за собственной трусости, он не мог. Сначала он смалодушничал под воздействием Танькиных угроз. Затем подстраховался, решив не упускать синицу из рук, потому как журавль в небе был слишком высоко и при более тщательном рассмотрении мог оказаться хищным коршуном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.